

Nara

ДИВЧЕВА

ТОТ, КТО МЕНЯ

РАЗРУШИЛ

18+

Чёрное

Лара Дивеева

Тот, кто меня разрушил

«Автор»

2023

Дивеева Л.

Тот, кто меня разрушил / Л. Дивеева — «Автор»,
2023 — (Чёрное)

Долгие годы Лара жила в аду. В постоянном страхе за свою жизнь, за жизнь близких. А все из-за одной наивной, страшной ошибки. И вот наконец она вырвалась на свободу и вернулась домой. Нужно отпустить прошлое, вернуться к себе прежней, победить страх. И главное - найти чудовище, мужчину по имени Максим Островский, который однажды отказался ее спасти. Когда заканчиваются силы, тебя прибывает к берегу, незнакомому и страшному. К мужчине, которого ты считаешь чудовищем. К ребёнку, взрослому не по годам. К прошлому, с которым не поспоришь. Я больше не стану бояться. Научусь дышать и жить. Ведь никогда не знаешь, где именно судьба спрятала твой шанс на спасение.

© Дивеева Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Игорь	9
Глава 2. Дима	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лара Дивеева

Тот, кто меня разрушил

Эта история – вымысел. Все совпадения случайны. Суждения героев не отражают мнения автора. Поступки и решения героев не являются рекомендацией или примером для подражания.

Пролог

...Медленно опускаюсь на колени, сглатываю комок ужаса. Он прилипает к горлу, как холодное масло, и я кашляю, неловко изогнувшись в сторону. Мужчина усмехается, скрещивает ноги, и я смотрю на его ботинок. Блестящий, с крохотными дырочками, явно дорогой. Хочется подползти и понюхать, настоящая ли это кожа. Уверена, что настоящая, но все равно чуть подаюсь вперед и повожу носом. Гипнотизирую ботинок, не позволяю себе думать ни о чем другом, иначе закричу в голос.

– Неужели тебе не объяснили, что соблазнять надо меня, а не мои ботинки? – грубо смеется мужчина. В его смехе презрение и непонятная злоба.

Отползаю назад, искоса смотрю на дверь. Только бы сюда никто не зашел! Я все смогу, только без свидетелей. Ведь обещала Олави, что сделаю все как надо.

– Я все сделаю как надо, – жалобно обещаю мужчине, надеясь, что он меня не ударит. Я не героиня, не воительница, а сломленное маленькое животное, обезумевшее от страха. У меня одна цель – выжить.

– Кому надо? Что надо?

Он больше не смеется. Наклоняется вперед, нависая надо мной. Два блестящих ботинка рядом на полу, и я смотрю только на них, боюсь поднять взгляд на его лицо. Черноглазое чудовище – именно так я прозвала его при встрече. Про себя, конечно, не вслух. «Не отдавай меня чудовищу!» – молча умоляла Олави. Как предчувствовала, что отдаст, видела ведь, как чудовище на меня смотрит. Исподлобья, тяжело, остро. Как будто снесет все на своем пути, схватит меня в охапку и сбежит. Большой взгляд, чтоб его! И шрам на челюсти, длинный, зигзагом, от которого кривится рот. Олави видел панику на моем лице, но все равно отдал меня чудовищу. Только что в оберточную бумагу не завернул да бантик не прицепил к причинному месту. И вот мы остались наедине. Я умираю от страха и неловко ползу вперед, стараясь выглядеть соблазнительной. А он смотрит на меня как на раздавленного муравья под ботинком.

– Вам, – отвечаю на удивление твердо. – Я сделаю все, что нужно ВАМ. – Икаю на последнем слове, и получается «ва-ам». Но он не смеется, даже не улыбается. Без предупреждения всаживает кулак в стену и снова замирает.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

Мне стыдно в этом признаться. До слез. Взрослая девица – и такая дура. Меня тошнит, и я знаю, что это от стыда, а не от страха. Опускаю голову, заставляю себя втянуть воздух. Надо дышать, просто дышать.

– Откуда ты приехала?

– Издалека.

– Не ответишь?

– Нет.

– А если я заставлю?

– Тогда придется ответить. Но я уверена, что вы не заставите.

– Почему? – Он озадаченно хмурится. Полуголая измученная девица только что озадачила жестокое чудовище.

– Потому что вам на меня наплевать. Скажите, чего вы хотите, и я это сделаю.

Снова ползу, обреченно, медленно. Виляю бедрами, и юбка символической длины закатывается почти на талию. Чудовище морщится. Неужели брезгает? Нет, к сожалению, не брезгает. Вижу, как он смотрит на мои ноги, сжимает кулак и снова всаживает его в стену.

– У вас все в порядке? – доносится из-за двери.

Я вдыхаю так порывисто, что давлюсь слюной.

– Анджелина, что происходит? – На самом деле Олави интересуется не мной, а клиентом.

– Все в порядке, – жалко пишу я, глядя на чудовище, взглядом умоляя его не жаловаться.

Я постараюсь, я все сделаю, чтобы остаться в живых.

– Как тебя зовут? – спрашивает чудовище, будто не заметив моего диалога с Олави.

– Вам же сказали, что Анджелина. – Морщусь, вспоминая, как Олави гордился, выбрав для меня звездное имя. Из меня Анджелина, как из... не тяну я на звезду. Только волосы длинные да губы пухлые, да и то потому, что по губам меня бьют. Часто.

– Как тебя зовут? – повторяет он.

– Анджелина.

Злится. Знает, что вру. Но для чего ему правда? Чтобы насладиться своей силой и размазать ее по моему размалеванному лицу?

– Я родился на побережье. А ты?

А я мертва.

Ползу, утыкаюсь лбом в его колено, поднимаю глаза и вижу, как топорщатся его брюки. Урод! Неужели можно хотеть меня такой? Размалеванная, одетая как проститутка. Омерзительно! И то, что сейчас произойдет, гадко и больно. Мужчина смотрит так пристально, что невозможно не отвести взгляд. Вытирает вспотевшие руки о брюки, расставляет ноги шире, и я послушно приближаюсь, глажу его бедра, напряженные, как будто он только что пробежал марафон.

Я знаю, чего он хочет, хотя и не понимаю, почему он выбрал именно меня. Что во мне такого? Размалеванная кукла, сломленная и жалкая. Другие намного аппетитнее, ко всему готовые. А я – так себе. Просто дура.

– Подними голову! – Его голос звучит так глухо, словно он проглотил язык.

Наклоняется, подхватывает меня и сажает к себе на колени. И смотрит. Бесконечно долго и пристально, причем в глаза, а не на мое выставленное напоказ тело.

Что с ним такое?

Он хмурится, сосредоточенно обводит пальцем мои губы.

– Ты меня боишься! – приподняв бровь, констатирует факт. Смотрит на задрвшуюся юбку, и его кадык резко дергается.

Не стану разочаровывать, пусть думает, что я боюсь именно его. На самом деле все намного сложнее – я в ужасе от моей жизни. От себя самой. Но это временно. Мне бы только шанс, всего один, и я вернусь из мертвых. Отмоюсь. Ломая ногти, вытолзу из помойной ямы, в которую упала по своей же вине.

– Анджелина... – Он собирается о чем-то попросить, но спотыкается о звучное имя. Не мое, чужое, и он, безусловно, об этом знает. Его взгляд блуждает по моему лицу, теряется. Он хочет меня, только непонятно, почему злится. Его гнев горчит на языке.

Я знаю, что от меня требуется. Подаюсь ближе, к его губам, и тогда его гнев исчезает. Он целует меня, жадно, глубоко. От удивления я раскрываю рот, и его язык врывается, не дает вдохнуть. Пальцы впиваются в подбородок, его язык борется с моим. Глубоко. Это бунт, а не поцелуй. Мы восстаем друг против друга, только непонятно, против чего бунтует чудовище. Ведь он сам потребовал меня у Олави, сам исходит подо мной черной похотью. На его языке – вкус помады с моих губ, дешевой, не знаю чьей, но уж точно не моей. На мне чужая одежда и косметика, только слезы мои. Чудовище хрипит мне в рот, хватая за бедра, потом резко скидывает меня с колен, так, что я заваливаюсь на бок у его ног.

Почему? Передумал или собирается на меня наброситься?

И тогда я не выдерживаю.

– Не надо! – умоляю, выпуская наружу слабость. Ее во мне целое море, долбаный океан удушливой паники. – Помогите мне! Меня похитили!

Умоляю чудовище о пощаде, о спасении. Больше просить некого. Есть только я, но я – дура. Наивная дура. Не хочу больше быть собой.

Наклонившись, он дергает меня за ногу. Сильно. Больно. Пытается поднять меня, но я пинаюсь.

Все это время я держала себя в руках, хотя и с трудом. Если не послушаюсь, то Олави убьет и меня, и моих родных, поэтому надо терпеть. Однако силы иссякли, и я схожу с ума от страшного черного взгляда. Меня прорвало, как плотину, и я ору так, что все тело вибрирует. Умоляю чудовище о помощи, обещаю невесть что. Сбивчивые клятвы повиновения, вечной благодарности и пожизненного долга.

Шанс, что кто-то меня спасет, близок к нулю, но я вкладываю все силы в жалобный порыв. Хватаю чудовище за плечи, требуя помощи. Он шипит, пытается меня заткнуть, но я дергаюсь изо всех сил – и вот на щеке горит отпечаток его ладони. Своего рода ответ на мою мольбу.

И тут мир взрывается.

Вокруг грохот, оглушающий, страшный. Кажется, что стены смываются, чтобы задавить меня, навсегда запереть вместе с чудовищем. Мир крутится, чернеет, и я проваливаюсь в никуда.

Глава 1. Игорь

Святые угодники!

Мой крик безмолвен, потому что я уже сорвала голос. Пытаюсь закашляться, но горло сухое, стенки гортани сомкнулись, не пропуская хрип. Ничего страшного, ничего необычного, со мной так часто бывает.

Сवेशиваюсь с полки и давлюсь, выталкивая себя из сна.

Разбуженная криками, проводница стучится в дверь купе. В вагоне люкс не приветствуются пассажиры, орущие во сне. Здесь едут солидные, значимые люди, замкнутые в своих мирах. Все, кроме меня. Я замкнула в кошмаре.

– Эй, вы в порядке? – спрашивает проводница из-за двери, и я чувствую в ее голосе неуверенные нотки. Неприятности ей не нужны.

Я молчу, потому что не могу ответить, и тогда она уходит. Зачем вообще спрашивать, в порядке ли я, если не собираешься дожидаться ответа? Но я не обижаюсь и не растрчиваю себя на пустые надежды. Хватаю бутылку с остатками воды, заливаю в рот и с трудом глотаю.

Сердце выстукивает бешеный ритм, но мне уже лучше, потому что я дышу. Когда меня забрасывает в ночной кошмар, на мой личный остров паники, самое главное – дышать. Анджелины не существует, больше не существует. Я ее убила. Меня зовут Лара.

В коридоре звучит веселый голос проводницы, призывающий пассажиров притвориться, что все в порядке и мой крик им почудился.

– Следующая остановка – Ростов. Пятнадцать минут. К сожалению, поезд задерживается.

Несмотря на раннее утро, в ответ на это заявление хлопает сразу несколько дверей. Мы опаздываем, и проводница торопливо объясняет, что ночью одному из пассажиров стало плохо. Пока оказывали помощь и вызывали «Скорую», пока пропускали другие поезда, задержались. Слышу недовольное бормотание пассажиров, извинения проводницы. Надеюсь, больному не так плохо, как мне. Может, он случайно подсмотрел мои сны?

Усталый поезд рывками движется к остановке, жалуется мне сухим скрипом. Он знает, что я не спала всю ночь, слушала боль и кряхтение его старых суставов. Только к утру отключилась, но кошмар вонзился в меня, как только я заснула. А теперь очнулась в расстроенных чувствах, виски давит требовательной болью, шея занемела. Выспалась, называется! В мыслях полный раздрай, но это не отражается на моем лице. Никогда. Снаружи я идеальна. Не скажу, что красавица, но суть не в этом. Контраст с тем, что внутри, поражает. Те, у кого в сердце мертвая пустыня, должны носить на лице глубокие шрамы. Так будет лучше, честнее. Чтобы отпугивать случайных знакомых, чтобы они не ловились на высокие скулы и длинные ноги, чтобы знали, что за нежным румянцем прячется бессонная ночь в объятиях демонов прошлого.

Моя внешность лжет, как глянцевая обложка. Даже сейчас, ошпаренная кошмарными снами, я выгляжу вполне приемлемо. Как будто тело заморозилось в прошлом, там, где навсегда застряла и моя душа. Все дело в глазах, серых, огромных, с необычным рисунком радужки. Из-за них мальчишки дразнили меня инопланетянкой, а потом подросли и вдруг перестали. Вместо этого неловко приглашали в кино и ошивались рядом в надежде привлечь внимание.

Кроме глаз да длинных ног, люди не замечают ничего, как будто на портрет пролили белила. Закрою глаза – и даже знакомые меня не узнают.

Все, я успокоилась, дышу размеренно, ровно. Колеса поезда клацают, и мы останавливаемся. Каменная гармошка вокзала действует на меня успокаивающе, и я расслабляюсь, наблюдая за пассажирами, с усталой нервозностью охраняющими багаж.

Я решила назвать эту поездку смелым словом «отпуск». Порой не верится, что я решилась на такое, что сбежала, но вот она я, в поезде. Ворох надежд скручен в одну нить, которая тянет меня вперед, несмотря на жуткий страх. После восьми лет мучений я отправляюсь на поиски себя – веселой, полной надежд и радости, какой была раньше, до того, как моя жизнь необратимо слетела с рельсов. И по странной, непонятной причине этот поиск должен начаться в месте, с которым связаны самые тяжелые воспоминания. Там, где я потеряла шанс на спасение из-за чудовища по имени Максим Островский. Это – попытка найти и отпустить прошлое и привести в порядок мою жизнь.

Психолог сказал, что внутри каждого живет ребенок и он нуждается в любви и внимании. Надо полюбить маленькую Лару внутри меня, успокоить ее и научить жить. Нащупать ее страхи, посмотреть им в лицо и помочь ей с ними справиться. Медленно, постепенно.

Нащупать страхи. Как можно нащупать океан, в котором тонешь уже восемь лет?

Маленькая Лара внутри меня не хочет ничего медленного. Она требует, чтобы сразу – и навсегда. Наивная, она хочет быть счастливой.

Я должна ей помочь.

Если я снова обрету себя, то пойму, как жить дальше. Обязательно пойму. Путь к свободе начинается с первого шага.

Мое прошлое началось в поезде. Я снова и снова проигрываю случившееся в памяти, мучаюсь, морщусь. В прошлое надо входить осторожно, как в кишашую аллигаторами воду. Лучше вообще не входить, но раз уж без этого не обойтись...

Мы снова остановились, не знаю где. Стайка женщин, пожилых и не очень, бросилась к поезду, держа в руках кули и свертки.

– Картошечка вареная, свежая, горяченькая!

– Огурцы малосольные, домашние!

– Молодая картошка с укропом!

– Семечки! Орешки! Домашнее печенье!

Вдруг до безумия хочется есть. Не ресторанной еды, а именно такой, домашней. Прсыпаются детские воспоминания, рот наполняется слюной. Горячая картошка, завернутая в газету, мятый соленый огурец, стекающий по голым коленкам рассол. Щурясь, выхожу на перрон и сталкиваюсь с соседом. Забирая у женщины бумажный сверток с едой, он улыбается и отступает в сторону. Ждет. Смотрит на меня.

Выбираю картошку погорячее, такую, чтобы обжигала, рассыпаясь на языке, и три огромных соленых огурца со впалыми боками. Сосед пытается помочь, подержать картошку, пока я расплачиваюсь, но я выставляю локоть в его сторону и отрицательно качаю головой. Не хочу помощи. Ничьей.

Забираю пакеты и захожу обратно в купе. Почти успеваю закрыть дверь, когда в щели появляется ботинок.

– Позвольте, я составлю вам компанию? Ехать еще долго, мы опаздываем на несколько часов.

Сосед улыбается, искренне, спокойно, почти без подоплеки. Другие женщины посчитают его симпатичным, но не я. Инстинкты требуют, чтобы я немедленно избавилась от его присутствия, и я им доверяю. Безоговорочно. Кладу свертки на полку, улыбаюсь и подаюсь к мужчине всем телом, будто собираюсь обнять. От удивления он отступает назад, и я тут же захлопываю дверь.

Все, с соседом покончено, можно ехать дальше. Если захочу, могу вообще не выходить из купе до самой Анапы. Протираю столик антибактериальной салфеткой и раскладываю вкусности. Смешно, да? Я мертва внутри, а микробов боюсь.

Собираю пальцами картофельный снег, смакую на языке. Вот оно, счастье, простое и терпкое, как рассол. Хрустящий огурец щиплет язык, рассол стекает по подбородку. Мне так хорошо, что я открываю окно и улыбаюсь, глядя на красные кирпичи станции. Замечательное место! Здесь были ко мне добры, подарили вкусное счастье.

Сосед идет вдоль рельсов, поддевая ботинком мелкие камешки. «Хоть бы он отвлекся и опоздал на поезд», – загадываю желание. Мне не нужны соседи и приятели, мне противен флирт. Мы с маленькой Ларой едем в отпуск, чтобы победить наше прошлое, а сосед-мужчина нам мешает.

«Маленькая Лара внутри меня». От таких слов начинаешь бояться самой себя, хотя и чувствуешь внутри раненого плачущего ребенка.

Сосед останавливается под моим окном. Зря я надеялась, что он оставит меня в покое. По лицу видно, что он настырный и терпеть не может скуки. Должен выигрывать всегда и во всем, поэтому будет вертеться вокруг меня в надежде, что я все-таки клюну на его немалые чары.

Смотрит в мое окно и поигрывает бицепсом под белой футболкой. Красуется или действительно нервничает?

– Извините, если я вас чем-то обидел! Просто хотел познакомиться, раз уж мы попутчики.

Попутчики. Придуманные биографии, узкая полка и секс без обязательств. Нет, мы не попутчики.

– Не заставляйте меня закрывать окно. Вы меня не обидели, но, пожалуйста, не настаивайте на знакомстве.

Доедаю картошку, втайне надеюсь, что сосед послушается, но нет, мне не везет, он продолжает топтаться на месте.

– Вам плохо? Я слышал, как вы кричали во сне.

– Я кричала, потому что мне было хорошо.

Мужчина сначала хмурится, потом распахивает глаза и усмехается.

– Насколько хорошо?

Закрываю окно и задергиваю занавески. Зря я это сказала, уже жалею, надо было сразу отодвинуться от окна. Неуместные шутки потому и неуместны. Я не ищу приключений и осложнений.

Достаю распечатку странички из Сети, вожу пальцем по картинке. Я сняла крохотную пристройку, обвитую виноградной лозой, с видом на море. Как раз то, что мне нужно, – покой, солнце и теплая вода. Постепенно, шаг за шагом, я наберусь сил и тогда увижу мужчину, из-за которого приехала. Встречусь с ним лицом к лицу, поборю свой страх и помогу маленькой Ларе. Чтобы подготовиться к этому, нужен ритм – прилив, отлив, волны, одна за другой, закаты, восходы. Постепенно я пойму, для чего стремилась сюда и где найти мое спасение.

Я осяду в виноградном домике, войду в его летний ритм и вылечу свою душу.

...Люда жеманно хихикает и задирает юбку, показывая край чулка. Желтоватые зубы контрастируют с морковной помадой, но ее это не смущает. Она облизывает губы и посыпывает помаду на языке.

– Эту девушку зовут Милена. Семь лет балетной школы, отменная пластика, – говорит Олави на русском, показывая на Люду.

Нам всем дали новые имена, чтобы отрезать от прошлого.

Не дожидаясь приглашения, Люда, она же Милена, соскальзывает на пол и, грациозно повернувшись, встает на мостик. Согнув локти, сворачивается в баранку и обхватывает себя за лодыжки расставленных ног. Все взгляды прикованы к трусикам, бесстыже торчащим из-под юбки.

– Милена для вас станцует, – обещает Олави. – Высший класс! Как видите, нас интересуют только первоклассные девушки. Красивые, ухоженные, талантливые. Для такого рода фильмов знание языков не обязательно, но фигура и грация очень важны. Мы надеемся, что на побережье бизнес пойдет особенно успешно.

Один из мужчин, темноглазый, суровый, со шрамом на челюсти, смотрит на меня, не отводя взгляда. «Чудовище, – звучит в моих мыслях. – Он похож на маньяка, жаждущего убийства». Я морщусь, кручу головой, пытаюсь стряхнуть его взгляд.

– Селена – победительница конкурса красоты, – объявляет Олави тоном гордого директора школы.

Не Селена, а Маша. Конкурс красоты был несколько лет назад в крохотной деревне, но не в этом суть. Девушка действительно красива, иначе ее и не выбрали бы. Миниатюрная блондинка нервно подрагивает, но не протестует. Она уже сдалась, это заметно по пустоте в ее глазах. Остальные девчонки ждут на станции, под охраной, но выбрали именно нас троих. Пригрозили смертью. Олави взял с собой шестерых охранников, чтобы защитить ценный товар.

– Встань, Селена! – рывкает Олави, но тут же вспоминает, где находится, и смягчает голос: – Покрутись!

Маша-Селена послушно встает, двигается как робот. Даже когда она начинает призывно крутить бедрами, чудовище не сводит с меня взгляда.

Я следующая. Я не спорю и не плачу. Я временно застыла, выпала из времени и жизни, потеряла контроль. Хочется закричать так громко, чтобы у собравшихся мужчин брызнула кровь из ушей. Убить их внезапной болью и выбежать на солнечную улицу.

В этой комнате нет окон, она душиная и страшная. Нас везли в машине с тонированными стеклами, но я видела солнце. Оно где-то рядом, вместе с обещанием жизни и свободы.

Олави поворачивается ко мне, и чудовище привстает со стула. Нет! Что угодно, кто угодно, только не он! Смотрю на Олави, на мужчину, которого ненавижу всем сердцем, и взглядом умоляю его о защите. Ведь он обещал, что берет нас только для рекламы, что мы встретимся с местными бизнесменами. На самом деле мужчины в этой комнате – чудовища. Похитители женщин.

– Анджелина – особая девушка, – говорит Олави, и, несмотря на ужас ситуации, мне любопытно, что он имеет в виду. Почему считает меня особой? Правильнее всего сказать, что я дура. Уникальная дура, раз попалась на его грубую игру.

Чудовище не дает Олави договорить. Встает и, щелкнув пальцами, показывает на дверь в соседнюю комнату.

Я прижимаюсь к спинке стула и с мольбой смотрю на Олави. Не отдавай меня, умоляю! Ледяной пот щекочет кожу, вызывает дрожь, по коже бегут мурашки, везде, от ужаса.

На лице Олави отражается немалая внутренняя борьба. Он обещал, что нас не тронут, что это только реклама. Он обещал, обещал, обещал. Можно ли верить обещаниям? Нет. Ничьим.

Я сползаю со стула, на колени и хватаюсь за брючину Олави. Допускаю очередную ошибку – взываю к мужчине, рожденному без совести.

– Ты обещал! – плачу не я, а другая, сломленная девушка по имени Анджелина.

Пнув меня, Олави склоняется ближе.

– Завалишь эту сделку – убью. Поняла? – выплевывает на выдохе, тихо, сквозь зубы. – Как войдешь в комнату, сразу стань на колени. Соблазни его. Делай все, что он потребует, не зря же я тебя учил. ВСЕ. Иначе убью. Всех.

Надо мной нависает тень, мужское тело. Чудовище хватает меня за шкуру и тянет за собой. Открываю рот, вдыхаю, но не могу выдавить ни звука...

Кричу, надрываюсь. Слышу! Наконец-то я себя слышу! Голос вернулся, и теперь меня спасут. Обязательно спасут! Вырвут из лап Олави и его дружков. Я кричу, высвобождаю ненависть и страх. Это целебный крик.

Запутавшись в очередном сне, я срываю голос, умоляя о помощи.

– Что с вами! Откройте, а то я вызову полицию! – Проводница кричит, кто-то пинает дверь, стучит. За дверью купе гудят возмущенные голоса.

Я все еще в поезде и умудрилась заснуть. Горячая картошка творит чудеса, но и она не панацея. Уже несколько лет сны забрасывают меня в тот день, когда Олави отдал меня чудовищу. Один и тот же кошмар, постоянно, до крика. Почему? Именно в этом я и пытаюсь разобратся. Именно для этого еду в Анапу в надежде, что смогу избавиться от того, что меня разрушает.

С трудом удерживаясь на ногах, открываю дверь. Сознание запуталось в ночном кошмаре, где чудовище тащит меня за собой.

Вытянув шею, проводница заглядывает в купе в поисках человека, который заставил меня кричать. Рядом с ней уже знакомый сосед, видимо, это он пинал дверь. За ними горстка любопытных в тренировочных костюмах и мятых футболках. Они разочарованы, так как рассчитывали на зрелище, а тут всего лишь ночной кошмар. Днем.

Сосед вглядывается в мое лицо, ошалевшее и испуганное. После кошмара я в холодном поту, белая футболка хоть выжимай, да еще и надета на голое тело. Взгляд соседа опускается на грудь, идеально вырисовывающуюся под мокрой тканью. Он сглатывает, моргает, с трудом заставляя себя отвлечься.

– В вашем купе кто-то есть? – Голос проводницы настолько резкий, что царапает слух. Она смело шагает через порог, осматривая крохотное купе. Как будто в нем можно спрятаться! Я складываю полку и делаю приглашающий жест. Убедившись, что я не прячу бесплатного пассажира, который периодически меня душит, проводница поджимает губы и буравит меня взглядом.

– Почему вы кричите? Утром всех перепугали и теперь снова. Что происходит?

– Мне приснился кошмар. Простите, я сейчас выпью кофе, чтобы больше не спать и не беспокоить пассажиров.

Я говорю тихо, вежливо, но не заискиваю. Я поклялась себе, что больше никогда не позволю себе заискивать. Ни перед кем.

Сосед вернулся из своего купе и подал мне небольшое полотенце. Мягкое, из египетского хлопка, с приятным запахом стирального порошка. Наверное, жена собирала его в дорогу.

– Все, разошлись! Нечего на девушку смотреть! – Сжалившись надо мной, проводница разгоняет любопытных. – Я вам сейчас кофе сделаю, горяченького. Раз уж и ночью не спалось, то в самый раз будет.

– Будьте добры, сделайте кофе на двоих! – просит сосед, вызывая у проводницы понимающую улыбку.

– Оставьте меня! – устало прошу я.

– Простите, но не могу! – Сосед притворно вздыхает и разводит руками. – Совесть не позволяет. Вы ночью кричали во сне, толкались в стену и плакали. Вам плохо. Не заставляйте меня чувствовать себя последним подонком, позвольте вам помочь!

– Чем?

– Для начала надо убедиться, что вы не простудитесь.

– В поезде тридцать градусов.

– Все равно. – Расправив полотенце, он высушивает мои волосы, как заботливая мать ребенку. Потом легко щелкает меня по носу и улыбается: – Вот так-то лучше!

У него наверняка есть дети. Трое, а то и четверо.

– Сколько у вас детей?

– У меня только племяшки, – улыбается он. – Двое. Близнецы, если хотите знать, ходячие кошмарики. Теперь я выйду, а вы переоденьтесь в сухое.

Через пять минут он вернулся с чашкой кофе, стаканом горячей воды и книгой. Забравшись с ногами на полку, я смотрела на идеальную синеву за окном. Мужчина отразился в стекле на фоне деревьев, и я долго разглядывала его, пытаясь угадать характер по лицу. Отражения намного добрее и безопаснее людей.

– Значит, так: мне кофе, а вам – горячая вода. Моя бабушка говорила, что от кошмаров помогает горячее молоко. Молока у нас нет, так что попробуем воду. Выпейте и ложитесь, отдыхайте, а я вас покараулю. Если что, разбуду или просто... – он отводит взгляд, немного смущенно, – подержу за руку. Выдерну вас из кошмара.

Спаситель, чтоб его! Просто возьмет и выдернет меня из кошмара? Наивный.

– Идите к себе! – Я устало подавляю в себе неприязнь к соседу и заворачиваюсь в простыню.

– Не могу, у вас уютнее.

– У вас точно такое же купе.

– В моем купе нет вас. – Сосед глубокомысленно дергает бровями, но, увидев, что я хмурюсь, начинает смеяться. – Я шучу! Шучу! Вот, смотрите, я оставил дверь открытой. Позвольте мне хоть разок почувствовать себя джентльменом и покараулить покой дамы. Мне есть чем заняться: я решил на старости лет научиться программированию. – Хлопнув учебником по столу, он устраивается у окна и с невозмутимым видом погружается в чтение.

Глотнув кипятка, я ставлю граненый стакан на стол. Пить горячую воду в такую жару невозможно, даже в лечебных целях. Сейчас выгоню мужчину, проветрю купе и сама попробую почитать.

– Вы надолго в Анапу? – спрашивает попутчик, не поднимая глаз от книги.

Остатки сна клубятся в памяти, в нем чудовище все еще ведет меня в отдельную комнату. Олави смотрит на меня, одними губами повторяя «убью».

– Раз уж мы теперь обитаем в одном купе, хорошо бы представиться! – невозмутимо продолжает сосед, невзирая на мое молчание. – Не злитесь! Только назовите свое имя – и спите.

Вот же непонятливый!

Я прилегла, накрывшись простыней. Бояться мне нечего. Незнакомец не может причинить боль, которая мне не знакома. А знакомая боль не так страшна.

– Давайте я начну! – весело предлагает он. – Меня зовут...

– Нет. Не надо. – Закрываюсь простыней с головой и сразу засыпаю. Проваливаюсь в пустой сон, без кошмаров, без мужчины со шрамом, без Олави. Понемногу мышцы расслабляются, одна за другой, я даже храплю во сне и тогда чувствую, как меня переворачивают на бок, заботливо поправив плоскую подушку.

Я дремлю, не теряя осознанности, продолжаю ощущать присутствие соседа в купе, и это спасает меня от кошмара.

Нет, лгу. В какой-то момент я проваливаюсь совсем глубоко, настолько, что не замечаю, как над моей головой готовят еду.

– Танюш, просыпайся! – кто-то легко трясет меня за плечо. – Сейчас будет последняя нормальная остановка перед Анапой. Можно немного погулять.

Надо мной нависает безымянный сосед. Светлые пряди свешиваются на лоб, синие глаза улыбаются. Хорошо, что я сразу узнаю его, поэтому не кричу.

Заметив ужас в моих глазах, он отступает на шаг.

– Танюша, это всего лишь я! Осталось десять минут до остановки. Быстро перекуси, выпей кофе, и пойдем погуляем!

– Почему вы называете меня Танюшей? – Следует спросить, почему он мне «тыкает», но я не заморачиваюсь. И без этого проблем хватает.

– Раз ты не хочешь назвать настоящее имя, будешь Танюшей. Садись. Тебе сахар класть?

– Нет.

Я люблю сахар, вообще обожаю все сладкое, но не хочу, чтобы сосед за мной ухаживал. Не хочу, чтобы он знал мое имя и мои привычки. Пусть все делает неправильно, подпитывая мою неприязнь.

Я молча пью горькую жижу и смотрю в окно. Это не кофе, а мерзость.

– Это не кофе, а мерзость какая-то, – говорит сосед, и я вздрагиваю от совпадения мыслей.

«Убирайся из моего купе», – мысленно внушаю я, надеясь, что он услышит и эту мысль, но сосед невозмутимо продолжает есть бутерброд. Не сработало.

Назло ему, назло себе допиваю кофе. С удовольствием съедаю бутерброд. Сделано вкусно и красиво. Думаю, что он – холостяк, хотя, судя по внешнему виду, пора бы уже остепениться. Лет тридцать восемь, а то и все сорок. Ухоженный, не без денег.

– У вас домработница?

– Нет, – удивленно отвечает он, – только уборщица. А что?

– Значит, вы холостяк.

– С чего вы решили?

– Сыр и колбаса нарезаны вами, причем идеально. Да и хлеб тоже. Даже корочки срезаны.

– А вдруг мне жена сделала бутерброды?

– Нет, жены режут криво, торопливо.

– По себе судите?

Я шурю и отворачиваюсь, смотрю в окно на волнистые поля. Сожалею о внезапном откровении. Все мои мысли, даже самые простые, принадлежат только мне. Я никому не открываюсь и не доверяю. Никогда!

– Я уже проснулась, так что можете идти в свое купе.

Сосед смотрит на меня долгим взглядом, потом закрывает книгу и, подхватив тарелку, уходит к себе.

– Мужчина! – зову, когда он уже в дверях. Заглядывает в купе, синие глаза холодные, как льдинки. – Спасибо!

– Пожалуйста, – смягчается он и уходит.

Я не разговаривала с соседом до самой Анапы. Старательно не замечала, как он гулял по перрону во время остановки. Вышагивал под моим окном и косился до тех пор, пока я не занавесила окно. Чтобы не думать о нем, открыла книгу. Смотрела на страницы, переворачивала, замечала отдельные слова. За сорок минут до прибытия я переоделась, собрала вещи и ушла в другой вагон. Намекнула проводнице про навязчивого ухажера, та запылала правед-

ным гневом, даже чаем меня напоила. Так я и дождалась Анапы, с ее гостеприимным теплом и стеклянными квадратиками вокзала. Вышла на перрон и потерянно огляделась. Приключение с соседом отвлекло меня от страха. Страх с большой буквы, который живет во мне, злится, урчит и не любит, когда его игнорируют. Как ревнивый зверь, он требует внимания и не прощает забывчивости. Я позволила себе расслабиться, обрадовалась тому, что скрылась от соседа, возгордилась собой...

И вот меня прихватило. Не вдохнуть, как будто душат. В груди огонь, рвется наружу, опалает кожу. Еле доволокла чемодан до конца перрона, подальше от толпы. Села на теплый асфальт и уставилась в сумеречное небо.

«Всего лишь страх, всего лишь страх, – повторяю заученно, – я в безопасности».

Вру сама себе. Какая может быть безопасность, если я толком не знаю, зачем приехала и что задумала? Мысль о встрече с Островским пугает до безумия, но вот я здесь, на вокзале. Приехала.

Мне холодно на тридцатиградусной жаре. Мурашки на коже, как холодно. Дрожащие ноги отплясывают чечетку, бутылка воды трясется в руках. Скоро стемнеет. Надо спешить, вызвать такси, прибыть на место до ночи. Я знала, что день приезда будет сложным, этого не избежать. Потом станет легче, обязательно.

«Первый день должен быть ужасным, без этого никак», – повторяю эту фразу нарастающим, направляясь к зданию вокзала. Чемодан спотыкается, переваливается на толстое брюхо, награждая меня огромным синяком на голени. Тяну его следом, поднять уже нет сил. Страх схлынул, и осталась только усталость. Глубинная, до костей.

В здании вокзала тихо, народ уже разбежался кто куда. В углу обнимается молодая парочка, их сумки и чемоданы разбросаны вокруг, как ягоды на торте. Счастливые, надо же! Счастливые в Анапе. Украдкой слежу за ними, пытаюсь отогреться у их огня. Парень лезет девушке под футболку, и я смущенно бреду прочь, провожаемая гортанными стонами увлекшейся пары. Я не успела отогреться, украсть у них толику человеческого тепла.

Как назло, не вижу ни одного такси. Может, лучше снять гостиницу на ночь, а завтра с утра отправиться искать виноградный домик? Оглядываюсь на здание вокзала, в котором приветливо мигает окошко, обещающее предоставить гостиницу на ваш выбор.

– Если ты ищешь такси, то придется позвонить.

Я вздрагиваю всем телом, опрокидываю чемодан и с ужасом смотрю в окутанные сумерками голубые глаза.

– Прости! – фамильярничает сосед по вагону. Он позволяет себе слишком многое. Поднимает чемодан и берет меня за руку, то ли в попытке извиниться, то ли чтобы я не сбежала. Мы застываем в неловких позах, зависнув над грузным телом чемодана. Хмурясь, сосед смотрит на мои пальцы: – У тебя ледяные руки! Тебе плохо?

Да, мне плохо.

– Все в порядке.

– Я за тебя волновался, вот и решил подождать. Знаю, что ты не местная, да еще и пропала перед самой Анапой. А потом увидел, как ты сидишь на перроне, и понял, что тебе нехорошо. Послушай, ты ясно дала понять, что я тебе неинтересен, но клянусь, я не маньяк!

– Если клянешься, тогда все в порядке. – Я усмехаюсь и забираю у него чемодан.

– Попытайся меня понять. Ночью ты, не переставая, вопишь во сне, пинаешь стену, стоишь, да и днем ведешь себя странно. Как честный человек, я не могу оставить тебя одну, не убедившись, что с тобой действительно все в порядке. Я на машине, могу подвезти. Если откажешься, я пойму, но тогда вызову такси и прослежу, что... – он морщится, – короче, прослежу.

– За чем проследишь?

Вздыхнув, сосед недовольно трясет головой.

– Что у тебя есть чем заплатить и где остановиться.

Вот тут я рассмеялась. По-настоящему, глубоко, хрипло, как не смеялась с того самого дня, как задумала этот «отпуск». Сосед по вагону считает меня психованной оборванкой, которая путешествует в купе люкс. Тоже мне, Эркюль Пуаро¹!

– Я сняла комнату, так что мне есть где жить и есть чем заплатить. Так уж и быть, позволю тебе побыть джентльменом и спасителем странных девиц. Можешь отвезти меня, но только если тебе по пути.

– Куда? – спрашивает, радостно подхватывая мой чемодан и устремляясь к парковке.

– В сторону Высокого берега.

Затормозив, он оборачивается и присматривается ко мне повнимательнее. Да, я – оборванка, которая путешествует в купе люкс и снимает комнату недалеко от Высокого берега, одного из самых престижных районов Анапы.

– В гостиницу?

– Нет, в частный дом.

Знал бы он, каких трудов и денег мне стоило снять эту комнату, подивился бы моей настойчивости.

Игорь (он все-таки втиснул свое имя в разговор) оказался гордым владельцем чистенькой, вылизанной машины. Новой. Модель я разглядеть не успела. Прохладные кожаные сиденья не понравились мурашкам на моей коже, поэтому я скрестила ноги и попыталась согреть руки дыханием. Это в такую-то жару!

– По-моему, у тебя температура, – наклоняясь, Игорь норовит дотронуться до моего ледяного лба.

– Это стресс, – отмахиваюсь я, присматриваясь к попутчику. Он похож на Игоря, другое имя показалось бы неправильным. Ухоженный, аккуратный, принципиальный. Категоричный. На маньяка никак не тянет.

Я читала об этом в какой-то брошюре, одной из многих, прошедших через мои руки. Иногда в стрессовых ситуациях, не выдержав напряжения, мы ведем себя непоследовательно и проникаемся доверием к незнакомым людям. Точнее и не скажешь. Вот она я, сижу в машине совершенно незнакомого мужчины. В чужом городе, в темноте. И не боюсь. Настолько устала бояться, что приветствую опасность, иду к ней навстречу. Прыгаю на ее прохладное, кожаное сиденье и, устроившись поудобней, пристегиваюсь ремнем.

Моя опасность пахнет кожей, лимонным освежителем воздуха и мужским одеколоном.

– Завтра расскажу друзьям, что пришлось включить подогрев сиденья в июле! – усмехается Игорь, и я ощущаю, как подо мной разливается приятное тепло. – Получше?

– Да, спасибо.

Огни приборной панели отразились в его глазах, и я невольно улыбнулась. А что, если он действительно хороший парень? Ведь такие встречаются, мне о них рассказывали.

– Тань, – шепчет он. В синих глазах асимметричные искорки.

– Что?

Вот я уже и на «Таню» отзываюсь.

– Ты мне адрес дашь?

– Зачем?

Я напрягаюсь, все тело реагирует на нежелательное вмешательство в мою жизнь.

– Так я ж машину веду. Знать бы, куда ехать.

Смех – самое лучшее лечение. Комичность ситуации распустила шнуровку моего страха, выпуская наружу кусочек души. Розовый, тонкокожий, порочно-ранимый. Откидываю голову и хохочу, не смущаясь своей глупости. Рядом смеется Игорь, хлопая рукой по рулю.

¹ Эркюль Пуаро – частный сыщик из романов Агаты Кристи.

– Не дам адрес! – давлюсь смехом. – Сам угадаешь, куда ехать. – Достаяю из сумочки распечатку и протягиваю Игорю, вытирая слезы. На его лице отражается искреннее удивление.

– Я знаю это место, – говорит. Складывает лист и отдает мне, чуть хмурясь. Озадаченный странным совпадением, задумчиво кривит рот. – Сто лет туда езжу, но ни разу не видел, чтобы на этой улице сдавали туристам.

Как под дых мне дал этими словами. Я не люблю совпадений, случайностей и неожиданных поворотов событий. Куда делась моя осторожность? Так и доиграюсь, вот же дура! Двигалась понемногу, шаг за шагом, так долго ждала своего спасения – и сразу влипла. Первый встречный догадался, что со мной что-то не так. И не только со мной, но и с моим «отпуском».

Делаю бесшумный вдох, стараясь потушить проблески паники.

– Никогда там не была и понятия не имею, что это за место. – Достаяю пакет с ирисками, предлагаю Игорю и закидываю конфету себе в рот. Мне удастся изобразить невозмутимое равнодушие. Игорь не замечает моего испуга и все еще хмурится. – Выбрала по рекомендации знакомых, – уверенно продолжаю я. – Они сказали, что это частный дом, тихий, с видом на море. Берут только своих.

«Своих»! Вот же сказанула.

– Своих, – повторяет Игорь удивленным эхом.

Сжимаю его плечо и взволнованно заглядываю в глаза. Это безошибочный маневр. Во-первых, прикосновение отвлекает, намекая на что-то личное, во-вторых, мои глаза сбивают с мысли. Не зря меня дразнили инопланетянкой. Игорь послушно отвлекается и морщит лоб, затрудняясь вспомнить, что именно его насторожило.

– Игорь, скажи честно: с этим местом что-то не так? – Я импровизирую, добавляю в голос немного наигранной тревоги. – В этом районе опасно? С хозяевами что-то не так? Если так, тогда я лучше поеду в гостиницу. – Голос дрожит, и создается образ этакой трогательной испуганной девицы.

Мне почти смешно. На самом деле я не променяю эту комнату ни на что другое, даже если хозяева – людоеды. Я вернулась в Анапу для того, чтобы увидеть чудовище, и снять комнату на его улице оказалось, мягко говоря, непросто. Я не уеду, пока не вырвусь из кошмаров, а для этого мне нужно снова его увидеть. Я поселюсь рядом, чтобы «случайно» проходить мимо его дома, чтобы увидеть его в саду или на пляже. Один взгляд. Два. Три. Может, поздороваюсь и заговорю о погоде. Наконец, пойму, почему за прошедшие восемь лет я не смогла выбросить его из головы. Докажу себе, что он мне больше не страшен, и вытолкну чудовище из моих снов. И тогда ко мне вернется жизнь.

По крайней мере, таков мой план, и я брежу им уже давно. Я одержима чудовищем, подружку и не скажешь. Первый глоток свободы – и вот я его разыскиваю. Я почти убедила себя, что мои мотивы никак, совершенно никак не связаны с мезтью. Что я не хочу наброситься на чудовище, расцарапать его лицо и грудь, растоптать его и оглушить моими криками о прошлом. И заставить объяснить, почему он мне не помог. *Почему.*

Но я не позволяю себе об этом думать, совсем. Я приехала не для этого.

Выруливая с парковки, Игорь засмеялся, подтверждая, что мне удалось его отвлечь.

– Не истери, дурочка! Это лучшее место, вдаль от туристов, с закрытым пляжем. Хозяева нормальные, правда, я не знал, что они сдают комнату, но все равно – отличное место.

Я незаметно выдохнула. Вроде обошлось, хотя мне не нравится то, что Игорь знает моих хозяев. Понимаю, что город небольшой, но все-таки...

– Слушай, а кто порекомендовал тебе это место? – задумчиво спрашивает Игорь, вливаясь в вечерний поток машин.

– Тетя моего школьного приятеля познакомилась с хозяевами во время отдыха, я не знаю ее имя.

Я вру гладко, без излишеств.

– Откуда ты? Из Москвы?

– Игорь, послушай, не обижайся, но то, что ты меня подводишь, не значит, что мы стали друзьями. Попрощаемся – и все, конец фильма.

– Я попытаюсь изменить твое мнение.

– Ничего не выйдет.

– Жаль!

Вот же идиот. Нарывается, как на мину, честное слово. Никакого инстинкта самосохранения! Чувствует же, что я сломлена, сломана, причем напрочь, но все равно лезет.

– Тебе очень больно. Кто-то тебя обидел. – Игорь постукивает пальцами по рулю, наклоня голову, чтобы я не видела его лица. – Я никогда не слышал, чтобы так кричали во сне.

– С детства пела в хоре, мне хорошо поставили голос. – Я пыталась отшутиться, но вышло плоско, глупо. Да и Игоря разозлила.

– Я вообще за бабами не гоняюсь и к тебе лез не для дури. – Раздраженно махнув рукой, он прибавляет скорость. – Неужели ты думаешь, что мне не вытерпеть в поезде пару дней без траха? Обезумел и полез к тебе, как животное? Я волновался за тебя, ты мне всю ночь спать не давала! Сначала я думал, что у тебя ребенок плачет, а потом...

– Что потом?

– Думал, что белуга ревет. – Игорь усмехнулся, я тоже. Наверное, так легче. – А потом я увидел тебя и обалдел. Чтобы такая, как ты, мучилась во сне, должны быть веские причины. Вот и захотел помочь. Что с тобой?

Выигрышный вопрос. Жаль, что придется оставить его без ответа.

– Где мы?

– Недалеко уже, не волнуйся. Не хочешь отвечать – не надо.

Слева зернистая темень с вкраплениями звезд. Где-то внизу – море, я чувствую его дыхание. Справа настырные огни гостиниц и баров. Я отворачиваюсь от изучающего мужского взгляда в надежде остудить его любопытство. Греюсь на теплом сиденье посреди июльской жары. Молчание защитным пологом окутывает мои тайны.

– Вот, смотри: эта улица заканчивается тупиком, твой дом в самом конце. Отсюда туристов не видно и не слышно. Наслаждайся! Таких мест немного, здесь тишина и покой.

Как будто опровергая его слова, до нас донеслись крики. Игорь притормозил и, открыв окно, высунулся наружу, рассматривая столпившихся людей. Фары выхватили красную полосу на белом фоне. «Скорая помощь». Что же сегодня за день такой, магнитные бури, что ли?

– Да выключи фары-то! Люське с сердцем плохо! – Пожилая женщина кинулась на нашу машину, барабаня кулаками по лобовому стеклу. – Ах, Игорек, это ты! Давно здесь не появлялся. Горе у нас!

– Людмиле Михайловне плохо? – Игорь выскочил из машины и, рассекая толпу, ринулся в направлении проглоченного тьмой дома. Пользуясь моментом, я вытащила из багажника чемодан и побежала по ухабистой дороге, провожаемая недобрыми взглядами.

Глава 2. Дима

Меня не ждали. Знали, что я приеду, но встретили с неохотой и всячески выражали неудовольствие.

– Здесь туристов не любят, на нашей улице все свои, – оповестила меня пожилая хозяйка. И вам тоже добрый вечер.

С пристрастием рассмотрев мои шорты, она кивнула в направлении пристройки, которую я по фотографии окрестила «виноградным домиком». Какая же я наивная! «Виноградный домик» оказался слесарной мастерской с крохотными грязными окнами, просиженным диваном и раковиной вместо ванной.

– Муж уже три года как болеет и не пользуется мастерской, вот мы и поставили туда диван. Здесь вы и будете жить.

Спокойно. Все хорошо, мне не нужна роскошь. Зато будет чем заняться. Приберусь, вымою окна и пол, сложу инструменты в углу. А диван... а зачем мне диван? Все равно я почти не сплю.

– Спасибо, что приютили! Я тихая, не доставлю вам никаких хлопот. – Ложь вырвалась наружу, удивляя и настораживая. Может, добавить, что тихая я днем, а ночью ору так, что пугаю соседей по вагону?

Хозяйка пробежалась по мне оценивающим взглядом, в котором отчетливо читалось сомнение.

– Деньги вперед! – Получив заранее приготовленный конверт, хозяйка ушла.

Вот я и в «отпуске». Сейчас мое жилище выглядит безрадостно, но утром все будет по-другому. Я увижу море, виноградник, гальку и солнце. Маленькой Ларе это понравится. Как только наберусь решимости, пройду по улице, чтобы посмотреть на дом чудовища. Начну излечение от прошлого. Буду двигаться вперед шаг за шагом. Посмотрим, как далеко я смогу зайти.

Если вы думаете, что я планирую месть, то ошибаетесь. Моя планка и выше, и ниже – все зависит от точки зрения. Я планирую жизнь. Мою. Свободную от страха. А уж потом... посмотрим, что дальше. Мне бы только научиться дышать.

Плюхнувшись на просиженный диван, я вспугнула древнюю пыль. Ничего так, мягонько, только совесть мучает. Знаю, что неизвестной мне Люсе помогает «Скорая помощь», но я все-таки медсестра. Выйти, что ли, спросить, как она, не нужно ли чего... Кряхтя, я слезла с дивана и побрела вдоль заборов. Если повезет, Игорь меня не заметит, хотя он и так знает, где я остановилась. Если приспичит, то найдет, я не смогу этого предотвратить.

«Скорая помощь» все еще на месте. Дверь машины открыта, фельдшер балансирует на подножке.

– Простите, я хотела узнать, нужна ли помощь. Я медсестра.

Женщина обернулась с отвлеченной улыбкой.

– Соседка, что ли?

– Да.

Теперь – да.

– Помощь не нужна, спасибо, что вышли!

– А больная в порядке? Люся, кажется?

Женщина показала взглядом на калитку:

– Поговорите с ее друзьями.

– Нет, спасибо.

Я припустила обратно в виноградный домик, причем на такой скорости, что чуть на kota не наступила. Не раздеваясь, плюхнулась на пыльный диван и закрыла глаза. Заснуть бы! Вздохнув, достала книгу и бутылку воды. Только успела устроиться, как в дверь постучал Игорь.

– Вот, еще и въехать не успела, а привела мужика! – пробурчала хозяйка за его спиной. Брезгливо осмотрев виноградный домик, Игорь показал взглядом на дверь:

– Выйдем на минутку, разговор есть!

Мы прошли мимо хозяйки, вдоль заборов, мимо «Скорой» и вошли в открытую калитку. Передо мной небольшой белый дом, обвитый виноградной лозой, а остальное не рассмотреть. Парадная дверь открыта, свет выливается из нее, как забродившее тесто.

Игорь взял меня за руку и потянул за собой в сторону округлой беседки. На удивление большой, человек на десять, я таких никогда не видела.

– Сядь!

– Как Люся?

– Людмила Михайловна. Плохо. У нее очередной инфаркт, но она отказывается ехать в больницу. Говорит: «Одним инфарктом больше, одним меньше, какая разница». У нее со вчерашнего дня симптомы, а она только сейчас «Скорую» вызвала.

– Не слабо!

– Она не слабая женщина. С ней внук живет, у него проблемы со здоровьем, и она отказывается его оставлять. Обычно, когда Людмила Михайловна уезжает, за Димкой соседка приглядывает, она их дальняя родственница. Но в прошлый раз она не справилась. Фельдшер сказала, что ты медсестра. Ты наверняка знаешь о заболеваниях легких, и если ты рядом, то всем спокойнее будет.

Игорь устало проводит ладонью по лбу и наклоняется ближе, чтобы разглядеть мое лицо.

– Та пристройка непригодна для жилья, – говорит с намеком.

– Меня все устраивает.

– Я должен уехать в очередную командировку. Срочную. Не могу отложить.

– Поздравляю.

Чувствую, к чему идет дело, и паникую так, что хоть кричи. Отсюда и сарказм, жалкий и хныкающий. Игорь же знает, какая я ненормальная, так с какой стати просит меня о помощи?!

– Димке одиннадцать, он ответственный парень. Ты не смотри, что дом маленький, он очень уютный внутри. Вид на море, все удобства, не то что твоя конура.

– Ты что, приглашаешь меня переехать в чужой дом?

– Да, приглашаю, если ты согласишься помочь соседке с мальчишкой и проследить за ним, пока хозяйка в больнице.

– Ты считаешь, что психованная и совершенно незнакомая тебе соседка по вагону – лучшая кандидатура для ухода за ребенком?

– Ты не психованная. У Димки кроме бабушки и соседки, дальней родственницы, здесь никого нет, остальная родня далеко, и мы все за ним приглядываем, как семья. А ты хороший человек, предложила помощь, вот и поможешь. Я знаю эту семью с детства, душевные люди. Да и жизнь у них нелегкая.

Как будто я могу облегчить чью-то жизнь! Об этом даже думать смешно.

– А Людмила Михайловна согласилась?

– Она хочет с тобой поговорить.

С ума сойти! Мой «отпуск» еще не успел начаться, а уже сходит с рельсов.

– Какой у них номер дома?

– Шестьдесят пять. – Игорь озадаченно присматривается к моему лицу. Чувствует, что эта информация имеет для меня принципиальное значение, но не может даже предположить почему.

Шестьдесят пять.

Дьявол.

Дьявол-дьявол-дьявол!

Вот же судьба! Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы разыскать чудовище и выяснить, что он живет в доме номер шестьдесят три. Еще несколько месяцев ушли на то, чтобы снять комнату на улице, на которую не пускают туристов, и не вызвать подозрений. А теперь я оказалась слишком близко, в соседнем доме, к которому к тому же прилагается ребенок. Они все здесь одна семья... все?! Знать бы, какие у судьбы планы и совпадают ли они с моими.

Завтра утром я выгляну из окна и увижу чудовище.

Нет. Не могу. Слишком рано, слишком близко. Задерживаю дыхание и обещаю себе, что откажусь. Сейчас же. Вернусь в снятую комнату и спрячусь там, чтобы как следует подготовиться к первой встрече с прошлым.

– Сожалею, Игорь, но я не могу им помочь.

– Почему?! Димке одиннадцать, совсем взрослый парень, покладистый, умный. Соседка за него отвечает, а ты помоги им и проследи за его здоровьем. А в остальное время делай что хочешь. Мы с Димкиным отцом дружили с детства.

– Нет, извини. Я не могу.

– Я ненавижу просить, но в этом случае готов сделать все что угодно. Сам я помочь не могу, у меня срочная командировка. В лучшем случае могу остаться до завтра. Но один я все равно не справлюсь. Ничего не понимаю в болезнях, да и дети – это не мое. Прошу тебя! Ты даже представить себе не можешь, как тяжело им приходится.

Умоляющий взгляд Игоря меня раздражает, поэтому я рассматриваю дом. Меня ломает, физически и душевно. Тот самый случай, когда знаешь, что судьба нагло тасует твои карты и ждет твоей реакции.

С чего я решила, что люблю виноградную лозу? Она душит меня, свивается вокруг горла удавкой. Не могу дышать, рву стебли, царапаю кожу. Чудовище совсем рядом, и мне кажется, что я чувствую его взгляд. Он уже знает, что я здесь, что я приехала, чтобы найти спасение. Он этого не допустит. Слишком близко, слишком быстро.

В мыслях мятеж, в душе пожар. Сижу, не двигаясь, молча, только в ушах завис крик.

Дом номер шестьдесят пять. Судьба – глумливая ведьма.

– Дыши!

– Что?

– Ты задержала дыхание, причем давно.

– Хорошо, я перееду.

Игорь берет меня за руку и охает. Мои пальцы заледенели настолько, что я не чувствую прикосновений. Кажется, Игорь тянет меня за собой и ведет в дом. Смотрю вниз и вижу, как мои ноги послушно отмеряют шаги.

Мы ступаем в дверной проем, густо намазанный маслянистым светом. Дом действительно уютный, это заметно сразу. Чисто, кругом современная мебель, стены выбелены. Это дом, в котором живет любовь, я давно в таких не была.

– Это она? – Самая элегантная из возможных бабушек смотрит на меня с каталки. Седые волосы со стрижкой каре, идеально прямой пробор, расстегнутая шелковая блуза. Впечатления не портит даже прозрачная трубка, змеящаяся по простыне к кислородному баллону.

– Добрый вечер!

Игорь уверенно выступает вперед.

– Людмила Михайловна, познакомьтесь, это моя знакомая, которая собиралась остановиться у Семеновых. Таня... – Неуверенный взгляд в мою сторону. Знает же, что сам придумал это имя!

– Лара, – встречаю я.

– Близкая знакомая, говоришь? – с усмешкой отмечает женщина, пристально меня разглядывая. Во время инфаркта не шутят, но эта женщина не сдастся даже смерти, это очевидно с первого взгляда.

– Я не доверяю незнакомым мужчинам, поэтому не спешу называть свое имя, – поясняю ровным тоном.

– Правильно, что не доверяете. Игорек еще тот хитрец. – Людмила Михайловна пристально смотрит на меня.

– Видели бы вы, какую ей комнату выделили! – вступает в разговор Игорь. – Старую мастерскую! Ужас один, везде пыльно, окна грязные, мыться негде, а на диване раньше спала собака.

Он заискивает перед больной. Почему? Чем он ей обязан?

– Я приехала в Анапу отдохнуть от неприятностей, – почти честно говорю я. – Снятая комната меня вполне устраивает.

– Приехали отдохнуть от неприятностей и тут же на них наткнулись, – снова усмехается хозяйка. – Вы медсестра?

– Да.

– Как давно?

– Закончила обучение два года назад. Работаю в травмпункте.

Умоляю, не спрашивайте, где я живу! Умоляю... не задавайте личных вопросов! Ах, как же я не хочу врать!

Больная пристально смотрит на работников «Скорой».

– Боль почти прошла, и мне намного лучше. Я могу остаться дома и вызвать частного врача и сиделку, – заявляет таким тоном, что фельдшер невольно встает по стойке «смирно». Значит, раньше она была учительницей или, скорее, директором школы. Этот тон мне знаком, до боли.

– Вы не понимаете, какому риску себя подвергаете! Мы должны срочно ехать...

– Я все понимаю! Лара, вы когда-нибудь ухаживали за больными с заболеваниями легких?

– Да, во время практики.

Оглядываюсь по сторонам. У стены стоит мальчик, светловолосый, большеглазый. Полагаю, что это Дима. Людмила Михайловна рассказывает о болезни² внука, о лечении. Объясняет, как делать ингаляции, массаж и дыхательную гимнастику.

– Лара, вам следует знать, что Дима непростой ребенок... у него сильный характер.

Меня знакомят с соседкой, дальней родственницей, которая теперь отвечает за Диму. На прощание Людмила Михайловна впивается в меня взглядом:

– Лара, вы позаботитесь о моем мальчике?

В этом вопросе такой заряд чувств, что я нервно сглатываю. Не могу не отозваться на чужую мольбу.

– Да.

– Игорь, разберись со всем! – командует больная. – Ключи в обычном месте, лекарства, инструкции и деньги тоже. Лара, располагайтесь, почувствуйте себя как дома и, прошу вас, навестите меня завтра в больнице, мы продолжим разговор.

Недовольно качая головой, фельдшер склоняется над каталкой:

– Готовы?

– Да.

² В книге не поясняется, каким из заболеваний легких страдает Дима. Проявления заболевания и лечение описаны упрощенно. Это сделано с целью сосредоточить внимание читателя не на медицинских вопросах, а на чувствах и поступках героев.

Людмила Михайловна смотрит на меня, и я улавливаю в ее глазах страх. В этот момент мы – родственные души. Повинуясь порыву, подхожу ближе и сжимаю ее тонкие пальцы. Суставы, искривленные артритом, ощущаются как бусины в моей руке.

– Я провожу вас до машины.

По пути мы разговариваем, и взгляд Людмилы Михайловны становится чистым и безмятежным, как озеро. Я смогла ей помочь, подарить уверенность и относительный покой. Не себе, так хоть кому-то.

Вокруг «Скорой» – никого, только лужа света от фонаря.

– На самом деле мне везет, – сухо улыбается Людмила Михайловна, – все мои инфаркты прошли почти безболезненно. Обычно больным приходится намного хуже. А я в полном порядке!

– Ну да, в полном, – ворчит фельдшер, явно хорошо знакомая с больной.

Я не хочу, чтобы Людмила Михайловна уезжала. Держусь за прохладные пальцы, тянусь за ней, будто в ее доминирующем присутствии скрывается путь к моему спасению.

А потом я остаюсь на пустой улице, изогнутая тень в овале фонарного света.

– Я перенесу твои вещи и поговорю с хозяевами, – предлагает Игорь, и, кивнув, я направляюсь на поиски Димы.

Светловолосый мальчик смотрит на меня исподлобья, и уже тогда становится понятно, что он мне не рад. Наморщив нос, говорит:

– Я взрослый, мне не нужны няньки, – и уходит.

Добро пожаловать в «отпуск»!

Я сажусь на порог и смотрю в темноту, дожидаясь возвращения Игоря. Он протискивается в дом, не задевая меня, и грохает чемодан на пол.

– Давай сначала разберемся с твоей комнатой, а потом и со всем остальным. Будем надеяться, что я помню, где что хранится, давно уже здесь не хозяйничал. В детстве мы с Василием отдыхали здесь каждое лето.

– С Василием? – Как будто кто-то приложил ледяной кубик к моему горлу, холодный спазм перекрыл дыхание.

– Да. Димкин отец, Василий.

Дыши, Лара! Василий тебе не знаком. В этом городе живет много мужчин, не все они связаны с чудовищем.

– А где он сейчас?

Дернувшись, Игорь смотрит на дверь, за которой исчез Дима.

– Они погибли с женой во время экспедиции. Альпинисты.

Вместо сочувствия меня накрывает облегчение. Мне стыдно, очень, но теперь я могу дышать. Василий альпинист, и он погиб. Он не друг чудовища, а всего лишь погибший сосед.

Не желая развивать болезненную тему, Игорь ведет меня по дому. Отменная кухня, высший класс. Чисто, уютно, современно. Игорь достает связку ключей, лекарства и инструкции и поворачивается ко мне с ожидаемым «Эврика!».

– После первого инфаркта Людмила Михайловна приготовила инструкции, чтобы за Димкой хорошо следили. К сожалению, в прошлый раз соседка была не особо внимательна.

Пробежав глазами инструкции, я встречаю испытующий взгляд Игоря.

– Я справлюсь, в этом нет ничего сложного. Отправляйся в командировку.

– Спасибо, Лара. Я вернусь через четыре дня, но сегодня же свяжусь с остальными родственниками. Если Людмила Михайловна задержится в больнице, то найдем тебе замену. Но если хочешь, я могу остаться на ночь, уеду рано утром.

Это предложение до завязки загружено скрытым смыслом, и каждое слово сжимает горло тисками.

– Нет, не стоит, мы справимся.

В доме четыре спальни – хозяйская, Диминая и две пустые. На Диминой двери красуется кривая надпись: «Не входить». Я выбрала единственную спальню на первом этаже, чтобы быть подальше от детской и не беспокоить Диму, если ночью буду кричать от кошмаров. Хотя, боюсь, мальчик все равно услышит. Ничего не поделаешь, я такая, какая есть.

– Ты выбрала лучшую комнату! – улыбнулся Игорь. – Отсюда отличный вид на море. Лара, знаешь... некоторые случайности не случайны.

Понятия не имею, на что именно он намекает, но выяснять не собираюсь. Более того, упорно стараюсь не думать о вмешательстве судьбы в мои планы. Я всего лишь помогаю женщине, которой сейчас труднее, чем мне.

– Спасибо, Лара.

– Не за что.

– Осталось найти деньги. Или давай сделаем проще: я сам оставлю вам денег на несколько дней.

Игорь полез за бумажником, но я протестующе замахала руками. Я не беру чужих денег, это одно из моих многочисленных утомительных правил.

– Потом рассчитаемся.

– Уверена?

Я обвела взглядом выбранную мною спальню и насмешливо вздернула бровь. Разительное отличие от пристройки, которую я сняла с таким трудом! Большая кровать с клетчатым покрывалом, телевизор на стене, удобный шкаф-купе, ванная. Более того, в комнате – огромное окно, за которым ощущается море. Не видишь, но знаешь, что оно там, за пологом тьмы, и от этого становится легче дышать.

– Можно я скажу кое-что очень неуместное? – Игорь неловко топчется у двери, трется плечом о косяк.

– Раз уж заинтриговал, то говори!

– В тебя можно влюбиться с первого взгляда.

– Может, с первого крика? – Я иронизирую, потому что чувствую в Игоре азарт игрока. Все дело в моей недоступности, в отвержении мужчин. Это разжигает любопытство.

– Может, и так. – Игорь не смеется. – У меня есть хоть какой-то шанс?

Игорь принадлежит к типу мужчин, которые преувеличивают, драматизируют, быстро загораются и так же быстро угасают. Если не получают желаемое, то взрываются и делают глупости. Хотя не стоит рубить сплеча, может, он и не такой. Сейчас он добрый, совестливый и заботливый. Он помогает знакомым, да и мне тоже. Надо поставить галочку в блокноте, чтобы запомнить, что однажды я встретила хорошего парня. Смотрю на него во все глаза, как на достопримечательность, и улыбаюсь. Запоминаю навсегда, чтобы знать, что чудеса случаются, что я наконец не ошиблась, доверившись мужчине. Он действительно хороший парень.

– Нет, никаких шансов нет.

– Спасибо, что ответила честно. И за помощь тоже спасибо. – Игорь либо не обиделся, либо отлично маскирует эмоции. – Дай мне номер своего телефона!

Достаю телефон из сумочки, пытаюсь разблокировать. Я купила его два дня назад, поэтому не помню ни пароль, ни номер.

– Скажи свой, и я позвоню, – прошу, не глядя на Игоря.

– Ты не знаешь свой номер?

– Нет, а что? Я же себе не звоню.

Игорь ждал звонка, а я мысленно ругалась. Почему он анализирует каждый мой поступок? Надо было отказаться от его помощи и расстаться на вокзале. А если бы он настаивал, я бы позвала на помощь.

Хотя это бессмысленно. Однажды я пыталась, кричала, молила о помощи, пока не поняла, что надеяться бесполезно. Тебе все равно не помогут. Никто.

Игорь уходил медленно и с неохотой. Снова предлагал остаться на ночь, давал ненужные советы. Всячески тянул время, разговаривая о пустяках. Стоял слишком близко, все еще на что-то надеясь. А когда ушел, тишина показалась мертвой. Черной. Нестерпимой.

Я надеялась, что соседка будет жить с нами в доме Людмилы Михайловны, но, дождавшись ухода Игоря, она улизнула к себе, в дом номер шестьдесят семь. Дескать, ей там удобнее спится, а до ее дома рукой подать. Родственница, опекающая Диму, оставила его наедине с посторонним человеком, со мной. Дима прав, считая меня няней.

Заперев входную дверь, я прошлась по дому, включила свет и телевизор. Не выдержав, поднялась наверх и постучалась в детскую.

– Ты что, читать не умеешь? – пробурчал Дима из-за двери. – Написано: «Не входить».

– Я собираюсь перекусить. Сделать тебе что-нибудь?

– Я взро-слый, – с нажимом говорит мальчик.

– Если говоришь по слогам, то делай это правильно. Взрос-лый! – отвечаю в тон ему.

– Самая умная, что ли?

– Ага, умница-красавица!

Дверь приоткрылась. Дима высунулся наружу, с сомнением глядя на меня. Предполагаю, что он сейчас скажет о моей якобы красоте!

Не давая ему возможности ответить, я прошу:

– Расскажи мне про свое лечение, а то инструкции слишком сложные.

Поразмыслив, Дима направился к лестнице, по пути толкнув меня плечом.

– Тоже мне, медсестра! Навязалась на мою голову, туристка неумелая.

– Слушай, а у тебя мороженое есть?

– Нет, бабушка не дает мне мороженое. – Осуждающе глянув на меня, Дима заходит на кухню. – На фиг ты свет везде зажгла, еще вечеринку устрой!

– Неплохая идея.

Дима бросает на меня дикий взгляд и достает инструкции Людмилы Михайловны.

– Что тут непонятного? – Ткнув тонким пальцем в ламинированный лист, Дима кривит рот. – Бабушка все написала русским языком. Неужели не видишь, что я в порядке?

Смотрит на меня прищурившись, оценивая. Вызывающе смотрит. Ищет сочувствие в моих глазах, чтобы прихлопнуть его в зародыше. Дима не любит говорить о болезни и жалости не терпит.

– В какую школу ты ходишь?

– В дурацкую. Мне пора спать.

– А ингаляции...

– Все сделал.

– А гимнастика...

– Я не маленький, да и вообще – я здоров. – Красные пятна гнева ползут по его совсем еще детским щекам. – Тебя пустили в этот дом, потому что тебе негде жить. И все. Поняла? Мне нянька не нужна. Если не хочешь вернуться в сарай, то оставь меня в покое!

– Дима!! – зову слишком громко, и он неохотно замирает на лестнице. Узкие плечи дергаются, готовясь к противостоянию.

– Что еще?!

– Я знаю, что ты в порядке.

– Оставь меня в покое! Я собираюсь притвориться, что ты здесь не живешь. Сколько ему лет? Одиннадцать? Если судить по нраву, то все семнадцать.

Я осталась одна посреди чужого, ярко освещенного дома в городе, который должен был вернуть мне покой. А вместо этого растрепал меня еще сильнее.

Так бывает. Вокруг тебя драма, планы, страхи, ты купаешься в них, порой утопая, порой выбиваясь к поверхности. А потом раз – и тебя выбрасывает на совершенно незнакомый берег. Ты сидишь на песке, ошарашенно глядя по сторонам, и пытаешься угадать следующий ход судьбы.

Спала я на удивление хорошо, вообще без снов. Проснувшись в десять утра, вышла на кухню и обнаружила там Диму с большой коробкой хлопьев. Соседка сразу оставила нас и не собиралась вмешиваться в Димины планы. У него в округе несколько друзей, но большинство разъехалось на каникулы. Я тоже не была обязана его развлекать, однако Людмила Михайловна просила позаботиться о внуке, и я дала обещание.

– Это твой завтрак?

– Ужин.

– Может, тебе что-нибудь приготовить?

– Нет.

Вот и поговорили.

Открываю холодильник, сканирую содержимое. Людмила Михайловна не разочаровала: на полках фрукты, овощи, мясо, полный ассортимент здоровой пищи. Делаю себе бутерброд, поглядывая, как Дима сражается с хлопьями. Растерзанная коробка валяется на полу, а он пытается разорвать плотный пакет. Я открываю ящик, в котором вчера заметила ножницы, протягиваю их, но Дима отворачивается. Настойчиво пытается разорвать пакет руками, пыхтит, тянет и смотрит на меня с вызовом. У него получается открыть пакет, хотя и не сразу, зато красиво, как новогодний салют. Большая часть хлопьев падает на черный кафель пола, остальное – на стол. В миску – совсем чуть-чуть.

– Не голоден? – хмыкаю я, и Дима снова смотрит на меня с вызовом. Думает, что я стану ругаться, заставлю убирать, побегу за пылесосом. Но он не знает, что меня прибило к незнакомому берегу, что я потеряла привычный ритм и теперь стою рядом с ним, прислушиваясь и присматриваясь. Я не приспособлена к нормальной жизни, в которой есть дом, дети и завтрак вдвоем. Дима – мой единственный ориентир. Мне нечему его научить. Наоборот, это я учусь у него жизни и надеюсь пробиться через его колючее недоверие.

Дима так и стоит среди разбросанных хлопьев. Рядом на столе открытая бутылка молока. Я подхожу ближе, босая, наступаю на хлопья, стараясь не морщиться от боли в подошвах. Беру бутылку молока, отпиваю прямо из горлышка и оставляю на столе открытой.

Дима наблюдает за мной с интересом.

В груди зудит невероятное желание убрать, подмести, доказать, что я способна со всем справиться. Я взрослый человек и могу заставить Диму позавтракать. Но мною движут инстинкты, настроенные на стоящего рядом ребенка. Я больше не ишу спасения в порядке и ритме. Меня захватило нечто большее, вернее, некто, стоящий рядом со мной, – еще один инопланетянин с огромными глазами. Мы похожи, потому что не вписываемся в обычную среднестатистическую жизнь. Чтобы понять друг друга, мы должны сломать стереотипы и найти точку доверия.

– Я туристка. – Сделав это очевидное заявление, я ступаю по хлопьям к окну и, опираясь на раковину, выглядываю наружу. Дом номер шестьдесят три. Раза в два больше этого, современный, стильный. Из-за деревьев видна только часть фасада, но и этого хватает, чтобы страх

пробился сквозь ледяной панцирь. Сглатываю, отворачиваюсь и продолжаю: – Мне нужен гид. Экскурсовод.

– Ты что, читать не умеешь? Распечатай брошюру и иди по городу. – Дима так и стоит посреди беспорядка, хлопья желтой пылью запятнали белую футболку.

– Я хорошо заплачу.

– Я не знаю никаких гидов.

Отвернувшись, Дима направляется к лестнице, оставляя на ковре след желтых крошек. Вслед ему громко называю сумму, которую предлагаю в качестве платы за экскурсию. Дима останавливается как вкопанный и качает головой.

– Ты совсем безбашенная! – Но при этом стоит на месте. Размышляет.

– Меня в детстве дразнили инопланетянкой, потому что у меня странные глаза.

Я ломаю первый стереотип, чтобы Дима знал, что и я тоже не такая, как другие. Он оборачивается и удивленно моргает, глядя на мое лицо.

– И правильно дразнили! Позвони в туристическое бюро, пусть они порекомендуют тебе гида, – говорит раздраженно и шагает на первую ступеньку. Все еще сомневается.

– Я предлагаю эту работу тебе.

Дима изумленно округляет глаза:

– Ты точно безбашенная! Я не могу быть гидом, ты и сама это знаешь. Ну... могу, если ты на машине или если недолго, но не часами бегать по городу.

Он вопросительно смотрит на меня, и я улавливаю в его взгляде надежду. Крохотную. Всего лишь мимолетную мягкость сурового детского взгляда.

– Я не умею водить.

– Ты совсем глупая, да? – ворчит он, стряхивая желтые крошки на ковер.

– Да, – подтверждаю искренне. История моей жизни это подтвердит.

– Мне не нужны деньги, так что поищи другого гида.

– Повезло же тебе, такому богатому! Мне нужно попасть в центр города, в магазин. Съезди со мной на такси, а то, боюсь, сама не найду!

– Ладно! – вздыхает Дима и поднимается вверх, шепча себе под нос что-то похожее на «вот же дура». Я прячу улыбку. Замечаю, что он останавливается на верхней ступеньке и следит за тем, как я направляюсь в свою комнату, оставляя на ковре желтые следы.

Я подарила ему преимущество, и теперь посмотрим, как он им воспользуется.

Я закрываюсь в комнате и судорожно обзваниваю спортивные магазины. Мне нужна не самая обычная вещь – самокат с мотором, но мне везет. Разгар лета, город полон туристов, поэтому спрос хороший. Особенно на те, которые подходят для детей. Нахожу парочку электросамокатов на складе в крупном магазине. То, что нужно, чтобы посмотреть город на свежем воздухе, да и Диму это развлечет.

Внезапно я осознаю, что так и не посмотрела на море. Какое оно? Темно-синее? Светлое? С барашками волн или гладкое, как лист бумаги?

Я не стала подходить к окну, оставила это на потом, когда на меня нападет слабость. Когда заболит душа, тогда и посмотрю на море, а сейчас есть дела поважнее. Мне не до чудовища, не до страхов и сожалений. Плевать на прошлое, потому что я учусь жить. Учусь у Димы.

Он ждал меня, развалившись на нижних ступеньках лестницы и яростно тыкая в телефон.

– Ты такси вызвала?

– Нет, а ты?

– Я ребенок!

– С каких это пор?

Обойдя беспорядок на полу, Дима берет с холодильника карточку одной из компаний и протягивает ее мне.

– Убрала бы! – пинает кучку хлопьев и вызывающе щурится.
– Не-а. Завтра съешь на завтрак, – отвечаю и, набрав номер, вызываю такси. Открытое молоко так и остается на кухонном столе. Озадаченно оглядываясь, Дима следует за мной.
В моей новой жизни нет правил. Никаких.

Дима уселся на заднее сиденье и приткнулся к двери, так, чтобы не приближаться ко мне. Вроде едет со мной, а вроде сам по себе. Сидит, насупившись, глядя в окно на морской пейзаж, а я смотрю на берег, облизанный соленым бризом и зависающий над пляжем. Очень скоро море подарит мне покой, я искренне в это верю. Такая красота не может не исцелить.

Достаю из сумочки упаковку разноцветных конфет. Дима протягивает руку, намекая, чтобы я поделилась.

– Извини, тебе нельзя. Разве что только одну, – говорю на полном серьезе, неуверенно протягивая ему зеленую. – Нет, подожди, не зеленую. – Закидываю конфету в рот и задумчиво качаю головой. – С непривычки зеленую нельзя.

– Это еще почему? Я сто раз их ел! Мне можно любые конфеты! – возмущается взрослый ребенок рядом со мной.

– Обычные – да. А это особые конфеты, с ними надо быть осторожным.

Дима морщит нос, разглядывает знакомую упаковку, читает название.

– Почему?

– Это смешинки.

– Что?

– Смешинки. От них начинаются приступы смеха, причем бесконтрольного. С непривычки может лопнуть живот.

Из последних сил удерживаю серьезное выражение лица. Фыркнув, Дима отворачивается к окну.

– А сама полпачки съела.

– Я к ним привыкла. – Протягиваю ему красную конфету: – Вот, начни с красной, она не такая сильная. Сразу разжуй, чтобы не подавиться.

Забросив конфету в рот, Дима качает головой и закатывает глаза.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты странная?

– Не хочешь – не верь, только потом не жалуйся, что я накормила тебя опасными конфетами.

Мимо мелькают гостиницы, важные, как океанские лайнеры. Слепяще-белые, со скобками балконов. Справа от меня раздается сдавленное хрюканье. Исподтишка подглядываю за Димой: плечи трясутся, кончики ушей малиновые. Наконец он сдается, склоняется к коленям и хохочет до слез, до кашля.

Даже водитель смеется и подмигивает мне в зеркале.

– Блиин! – в шутку ругаюсь я. – Надо было начать с желтой. Кто бы подумал, что тебя с красной так развезет!

Развалившись на сиденье, Дима держится руками за живот и визжит от смеха. В таком состоянии я выгружаю его на улицу, плачу за такси и прошу водителя вернуться за нами через час.

– Час! – возмущается Дима. – Тоже мне, туристка! Что ты увидишь за час?

Я не успеваю зайти в магазин, как Дима останавливается в дверях и смотрит на меня с опаской. Спортивные товары. Догадываюсь, что это место не вызывает у него восторга, ведь кругом – сплошные несбыточные мечты.

– Мы на минутку, – обещаю я, и он обиженно утыкается взглядом в кеды. – Ты сколько вешишь?

– Чего? Зачем тебе мой вес? – не понимает он, и я машу рукой, приглашая следовать за мной. Через пару минут нас уже ведут вглубь магазина, туда, где глянцем сверкают самокаты. Те, которые с мотором. Нам нужен тот, который по весу выдержит нас обоих.

– Мы заказали пробную партию, – объясняет продавец, – но они уже привлекли огромный интерес. В Европе ими пользуются повсеместно.

Дима подходит к самокатам. Нет, не подходит, подкрадывается, как пантера к жертве. Гладит, оставляет потные следы на идеальном глянце и тут же отдергивает руку.

– Этот молодой человек – мой гид, – объясняю продавцу, показывая на Диму.

– Я не соглашался быть твоим гидом, – поправляет Дима, но его голос мечтательный, тихий. В мыслях он уже несется по городу на самокате.

– Мы поставили демонстрационную модель на зарядку, так что можете проехаться, – предлагает продавец, выкатывая самокат в проход. Дима отворачивается и скучаяще смотрит по сторонам. Гордый. Ни за что не признается, что в восторге от самоката и влюбился с первого взгляда. Я встаю на платформу, вожусь с рычагами и подмигиваю продавцу, чтобы он мне подыграл.

– Не понимаю, где лево, а где право, все очень сложно!

– Вот же, блин! – бурчит Дима и встает на платформу передо мной. – Лара, ты реально безбашенная! Написано же «L» и «R». Это значит влево и вправо.

– Всезнайка!

Продавец понимающе улыбается, отступает, и мы движемся вперед.

– Ты серьезно насчет гида? – спрашивает Дима, не оборачиваясь.

– Да. Мне лень ходить, ездить легче.

– Тогда возьми синий самокат, он красивее. – Дима принимает мою ложь, делает ее нашей общей правдой.

Мы купили синий самокат с мотором. Потом еще шлем, наколенники и прочее.

– Тебе тоже нужен шлем, – нахмурился Дима.

– Зачем? Я же безбашенная.

Он покраснел и отвернулся, копаясь в карманах.

Не скрою, эта покупка стоит недешево, но я могу себе это позволить. Я трачу деньги со страстью, которая мне не знакома. Все эти годы я копила деньги, надеясь именно на такую покупку, на такой восторженный взгляд. На ощущение настоящей жизни.

Потом мы зашли в продовольственный, и я купила упаковку ванильного мороженого. Дима нахмурился, но ничего не сказал. По дороге домой он смотрел в окно, царапая ногтем коленку. Зайдя в дом, последовал за мной на кухню, где я растопила мороженое в микроволновке и сделала нам теплый коктейль с ягодами и фруктами.

– Тебе что, тоже холодное не разрешают? – осторожно поинтересовался он.

– Ага. Зубы ноют.

Впервые за это время между нами появилось молчаливое взаимопонимание.

Потом я приняла душ и, когда вернулась на кухню, обнаружила, что Дима убрал все следы утренней разрухи.

Сидя на полу в прихожей, он собирал самокат. Я присела рядом, и мы сосредоточенно работали, ругаясь на непонятные инструкции и собственную глупость. Наивная, я праздновала победу. Еще немного, и мы найдем общий язык, Дима станет меня слушаться, и тогда я смогу заняться своими делами без отвлечений и ненужных волнений.

А потом я посмотрела на часы и одной фразой разрушила наше хрупкое взаимопонимание:

– Мне пора навестить твою бабушку.

– Пойдем! – Дима тут же поднимается, откладывая отвертку.

– Нет, извини, в больницу я тебя не возьму. Соседка за тобой проследит, она за тебя отвечает.

– Раз тебе туда можно, то и мне тоже! Я взрослый и ничем от тебя не отличаюсь! – говорит Дима ледяным тоном, слышать который от ребенка страшно. Он бросает мне вызов и застает меня врасплох.

Пнув полусобранный самокат, нарочито громко хлопает дверью и взбегаёт вверх по лестнице. Я слышу его частое дыхание.

– Тебе плохо? – кричу, открывая дверь прихожей.

– Да, – отвечает он, – мне плохо. Когда ты уберешься отсюда, мне станет намного лучше.

К Людмиле Михайловне меня не пустили. Стоило сначала позвонить, и тогда мне бы сказали, что ей стало хуже и она в реанимации. Сердобольная медсестра позволила мне написать записку, вернее, отчет о сегодняшнем дне, и обещала прочесть его, как только больная проснется.

Когда я вернулась домой, то обнаружила, что Дима пропал. Отвечающая за него соседка мирно спала у себя дома. Доверия к ней нет никакого.

– Пропал? Да что вы! Ведь только что тут был... Наверное, с друзьями играет.

Приходится усомниться в проницательности Людмилы Михайловны, раз она доверяет ребенка такой родне.

Не раздумывая, я набрала номер Игоря, хотя толком не знала, что именно собираюсь ему сказать. Пропал ли Дима? Ведь ему одиннадцать лет. Что позволяют детям его возраста? Может, и правда пошел к друзьям, как делает каждый день. Ведь я ничего не знаю о его жизни, да и о детях вообще. Мне сказали, что его друзья разъехались на каникулы. Как назло, Игорь не ответил, и я оставила сообщение, в который раз подтвердившее мое несоответствие признанным психическим нормам.

– Игорь, привет. Все в порядке, не волнуйся, но позвони мне, как только получишь это сообщение. Срочно.

Да уж.

Самокат валяется в траве около беседки. Сквозь виноградные ветви виднеется фасад дома номер шестьдесят три. А что, если Дима там? Смогу ли я зайти к чудовищу? Вот так, сразу, без подготовки.

Раздвинув ветви, я присмотрелась к ярко-красной входной двери соседнего дома. Чувствуется женская рука: мелкие детали продуманы с таким вниманием, что завидно. Ухоженный сад, по сторонам лестницы горшки с цветами. Трудно представить чудовище посреди этого цветочного великолепия.

– Нравится?

Отшатнувшись, я наткнулась на опору беседки и вцепилась в нее, готовясь к побегу. Прямо на вокзал, на поезд, потом на самолет. Мой так называемый «отпуск» оказался очень плохой затеей.

– Простите, я вас напугала, – рассмеялась молодая женщина, снимая садовые перчатки. – Вы, наверное, Лара.

– Я ишу Диму. – Задерживаю дыхание, надеюсь, что сердце перестанет бешено кувираться в груди. – Я вернулась домой, а его нет.

– Если он и прячется, то не у нас. – Женщина оглянулась на дом, и лицо ее отразило глубокую печаль. – У нас с мужем нет детей, так что Диме незачем к нам приходить.

Она плотно сжала губы и наклонилась вперед, вырывая из земли стебли крапивы.

«У нас с мужем нет детей».

Неужели это и есть справедливость? Судьба наказала чудовище за то, что он меня не спас. Я умирала от страха, умоляла о спасении, а он не помог. Мне должно стать легче от мысли, что у него нет детей. Он хоть как-то наказан. Судьба его покарала, только мне почему-то не становится от этого легче.

– Зайдите к Тальковым в пятидесятый, у них сыну двенадцать лет, они с Димой часто играют. У него здесь несколько друзей, но большинство уехало на каникулы.

– Спасибо.

Разворачиваюсь и бросаю последний взгляд на дом. В нем живет мужчина, который мог спасти меня от кошмара, но ему было наплевать. Голос его плоти был громче, чем крик моих страданий. Сегодня я узнала, что у него нет детей, и мне не стало от этого легче. Ничуть.

Может, это потому, что я пытаюсь свалить на него свою вину? Я обвиняю его в том, что не смогла спастись сама.

А еще у него очень милая жена, но я не стану об этом думать.

В доме номер пятьдесят Димы не оказалось, как и в следующем, как и в следующем. Остановившись посреди пыльной улицы, я стерла пот со лба и заплакала. Я не готова к тому, чтобы моя жизнь сошла с рельсов. Какие-никакие, а это мои рельсы, мой продуманный путь. Хоть больной и кривой, но мой единственный. Не хочу знакомиться с соседями и стучаться в двери. Не хочу привязываться к хрупкому ребенку. Хочу ненавидеть жену чудовища просто потому, что она – часть его жизни. Хочу посмотреть ему в глаза, излечиться от страха и начать сначала.

Не хочу, не могу сходить с моего пути, потому что я не знаю другого.

Я побрела в свой временный дом, по пути стучась в каждую дверь в поисках Димы.

В шестьдесят первом мне навстречу вышла пожилая женщина, которую я видела около «Скорой».

– Как это пропал? Погодите-ка... – Она скрылась в доме и через несколько секунд вернулась и потянула меня за собой к кухонному окну. Дима сидел на краю обрыва, над берегом, и бросал вниз комочки земли.

В этот момент позвонил Игорь.

– Лар, ты чего, что случилось?

– Эээ... извини, все в порядке, просто я не могла найти ключи и разволновалась, – неловко соврала я, выбегая из дома.

– Ключи?

– У нас все хорошо, не волнуйся.

– Ты позвонила мне из-за ключей?

– Да. Все, пока.

Опустилась рядом с Димой на теплую землю и, молча подобрав камешек, бросила его вниз.

– Как бабушка? – вяло поинтересовался он, не глядя на меня.

– В больнице есть особое отделение, называется реанимация...

– Знаю! – Перебив меня, он отряхнул шорты и пошел к дому. Я достала из кармана конфеты и протянула ему, но он только покачал головой.

Понимание, найденное в свете дня, было утеряно.

Дима забрал ужин к себе в комнату, потом вернулся на кухню и обнаружил меня стоящей у окна.

– Я решила, что ты сбежал. Как полная дура бегала по соседям и паниковала. Стала посмешищем всей улицы. – Дима довольно хихикнул, радуясь моему признанию. – А еще я познакомилась с соседкой из дома шестьдесят три. Расскажи мне о них!

– На фиг это тебе? Обычные скучные люди. Он предприниматель, вечно в командировках. Она жалуется, тратит его деньги и целый день копается в саду.

– И все?

– И все.

– Как часто он возвращается домой?

– Тебе-то зачем это знать?

– Просто так. Любопытно.

– Не знаю, я за ними не слежу.

Потянувшись, Дима оперся локтями о кухонный стол и закашлялся. Сложив ладонь лодочкой, я осторожно похлопала его по спине. Он слабо улыбнулся и кивнул, поблагодарил. Мы сделали дыхательную гимнастику, потом, разобравшись с лекарствами, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по комнатам. Я заснула, как только приняла горизонтальное положение. Не знаю, что со мной. Дело не в усталости, ведь я и дома не сижу без дела. Что-то странное витает в воздухе Анапы, привкус прошлого. Он усыпляет меня, чтобы поймать и затянуть в знакомые кошмары. В те, с которыми я еще не готова столкнуться наяву.

...Я пытаюсь отползти от чудовища. В доме что-то взрывается. Не знаю, кричу я или нет, возможно, я оглохла.

– Заткнись! – шипит чудовище. Жаль, что я не оглохла. Зря умоляла о помощи, в ответ получила только крики и пощечину.

Он пытается поднять меня, но я сопротивляюсь изо всех сил. Он ругается, потом подхватывает меня на руки и бежит. Я давлюсь страхом и мыслью, что хищники так бегут с добычей. Он мне не поможет, только сделает хуже. Больше.

Коридор, комната, еще одна.

– Помогите! – ору я. Кому? К кому я взываю?

Ударяюсь головой о косяк, перед глазами звезды, но все равно кричу.

– Ты что, малахольная? Прекрати дергаться! – ругается чудовище, потом ставит меня на ноги и щупает затылок. – Шишка будет!

Я смотрю на него, хлопая глазами. Шишка? Какая, к черту, шишка?

– Помогите мне, умоляю!

– Молчи! – Он затыкает мне рот и сверкает глазами. В доме снова что-то взрывается, хотя, может быть, это происходит только в моем воображении. Я глохну, трясусь в его руках, вижу, как он что-то говорит, но не знаю что. От оскала на его лице становится жутко.

– Олави! – сдавленно кричу через мужские пальцы.

Я взываю к мужчине, которого ненавижу. К моему похитителю.

Чудовище трясет меня за плечи, потом хватает на руки, выталкивает в окно и лезет следом...

– Лара, блин! Ты чего орешь как резаная?

Дима стоит около моей кровати. На его пижаме картинка собаки из мультика, и кажется, что она танцует, потому что Дима дрожит. От страха.

– Ты чего, Лар? Лара! Проснись, а? – в его голосе слезы.

Он спешит на кухню и возвращается со стаканом воды. Опасливо застывает в дверях, гадая, стоит ли ко мне приближаться.

– Извини, мне приснился кошмар. Тебе никогда не снятся плохие сны? – Я пытаюсь его успокоить, но мои мысли все еще далеко. Они остались в видении, в котором чудовище с

убийственным взглядом выкинул меня в окно. Оконная рама содрала кожу с локтей и бедер, земля оказалась твердой, как бетон. Ребра хрустнули и жалобно заныли...

– Бывает, снится всякая фигня, но я так не ору. Никто так не орет! – восклицает Дима и, набравшись смелости, подает мне стакан.

Сходив за полотенцем, я просушиваю насквозь промокшие волосы. Всего лишь кошмар, выходящий потом из каждой поры.

– Мы с Игорем познакомились в поезде. Он услышал, как я ору, и решил познакомиться. Сказал, что я реву как белуга, хотя на самом деле она не ревет, это такое выражение.

– Ничего себе крик! Это ж ультразвук. – Дима усмехнулся. – А что тебе снилось?

– Не помню.

– Это хорошо. А ты к врачу ходила?

– Ходила.

– И что он сказал?

– Что это ночные кошмары. – Если бы я действительно обратилась за помощью, мне сказали бы очень многое... но зачем пугать ребенка правдой? – А еще знаешь, что говорят? Что во мне живет маленькая Лара и я должна ее полюбить и беречь.

– Даааа, – протянул Дима, почесывая курносый нос.

– Что?

– Надеюсь, ты ему не заплатила.

– Врачу?

– Да. Фиговый совет!

Пока Дима о чем-то сосредоточенно думал, я допила принесенную им воду.

– Слушай, а маленькая Лара не хочет теплого мороженого? – с усмешкой спросил он.

Вот же, рассказала ему на свою голову.

Два часа ночи – а я топлю мороженое в микроволновке и делаю коктейль для маленькой Лары и взрослого Димы. Моя жизнь и вправду сошла с рельсов. Я вернулась в Анапу с определенной целью – излечиться, заново пережить прошлое и научиться с ним сосуществовать. Вместо этого меня прибило к незнакомому берегу, к не по возрасту мудрому ребенку с одинокой судьбой. И я не знаю, что делать дальше.

– И тогда ты решила стать медсестрой, – вдруг сказал Дима.

– Что?

– Ты не смогла помочь себе и решила, что проще помогать другим.

– Может быть. Вот, пей, умник!

Он смотрел на меня совсем не по-детски, пронизательно и понимающе. Казался слишком мудрым, даже когда облизывал молочные усы.

– Спасибо, маленькая Лара! Знаешь, ты действительно похожа на инопланетянку.

– Ты тоже.

Дима разбудил меня в шесть утра. В шесть, блин, утра, чтоб его! Как на дежурство.

– С ума сошел? Мы посреди ночи мороженое пили! Я спать хочу!

– Я твой гид, Лара, и сегодня мы поедem на песчаный пляж. Если будешь рассусоливать, то придется ехать по телам загорающих. А шесть утра – самое то. Солнце давно встало, и надо спешить, пока на пляже нет народа.

В прихожей стоял готовый самокат.

– Когда ты успел с ним разобраться? Я собиралась просить соседей о помощи.

– Быстрее, Лара, не трать время на болтовню!

– Но мы же не могли вчера понять... как ты умудрился?

– Тебе сказать, какой у меня коэффициент интеллекта? – засмеялся Дима. – Нет, лучше не скажу, а то умрешь от зависти. В школе я опережаю ровесников на целый год. Такое иногда бывает с теми, кто болеет...

Он замялся, осознав, что внезапно заговорил о своей болезни, и я слегка дернула его за светлую прядь.

– Раз ты такой умный, то скажи, где ключи от дома!

– У меня в кармане, где же еще? – вздохнул Дима, изображая недовольство. – В отличие от тебя я уже готов. Поехали! Я позавтракал. Тебе сделал бутерброд, возьмем его с собой.

– А гимнастику?

– Сделаем на пляже.

Мы выехали на песчаный пляж. Дима прав, в десять утра здесь будет не протолкнуться. Мотор приятно урчал, его вибрация щекотала пальцы.

– Ты лихо управляешь, – крикнул Дима, забыв о том, что в магазине я путала право и лево. – У тебя что, дома такой есть?

– Не-а, у нас по больнице на похожих разъезжают... – сказала я и тут же прикусила язык.

– Правда, что ли? Где ты живешь?

Логичный вопрос. Далеко не в каждой больнице пользуются самокатами.

Любой нормальный человек смог бы дать ответ, даже если и лживый. Смог бы выкрутиться. Но я не являюсь среднестатистическим нормальным человеком, я бросаюсь от лжи к правде, и Игорю не стоило доверять мне ребенка. По крайней мере Диму, потому что именно ему лгать не хочется.

– Нашел время задавать вопросы! – Я сопроводила эти слова неестественным смехом. – Давай-ка, твоя очередь управлять!

Я не могу рассказать ему о себе. Запрет. Закрытая тема. Но и врать тоже не хочу, даже больше чем не хочу. Не могу. Кому угодно, но не ему.

Мы доехали до небольшой бухты, поделили бутерброд и скормили корку чайкам. Отдохнули на солнышке, скинув обувь и смеясь над туристами. Те спешили занять лучшие пляжные места, располагая вокруг себя детей, разноцветные полотенца и огромные сумки с едой.

– Я могу и не дожить до старости, – сказал Дима, ковыряясь в песке.

– Однажды я тоже так думала.

– И что случилось? – Он повернулся ко мне, прищурился любопытным глаз. Не ожидал, что я отвечу так быстро и так прямо.

– В один прекрасный день я очнулась и поняла, что все еще жива, несмотря ни на что. Вот только не могу вспомнить, что я делала все эти годы.

– И что ты делала?

– Понятия не имею. Я же сказала, что не могу вспомнить.

– А ты не пыталась спросить маленькую Лару?

– Ну, ты зараза! – Придавлив его колени к земле, я закопала стопы в песок. – Вот тебе за это!

Смеясь, Дима вырвался, отполз в сторону и погладил самокат.

– Мне понравилось кататься.

– Рано радуешься, нам еще обратно ехать. По телам распластанных туристов.

Обратно мы добрались без особых проблем, благо туристы уже перекочевали на пляж, и улицы пустовали. Пока Дима жадно пил лимонад, я облокотилась о раковину, вытянувшись в уже привычной позе, чтобы увидеть соседний дом. Рядом лежал телефон с десятком пропущенных звонков от Игоря.

– Почему ты все время пялишься на этот дом? – спросил Дима между глотками.

– Прямо так и все время!

– Часто.

– Наверное, ваши соседи богатые люди, раз могут позволить себе такую роскошь.

Стараюсь, чтобы мой голос звучал скучающе, притворно зеваю.

– Это не их дом, они просто снимают.

– Снимают?! – Я взвизгнула так громко, будто меня ужалили. Сердце ухнуло и больно ударило о ребра.

– Да, снимают, ты чего, Лар? Что в этом такого? Ты же тоже собиралась снимать.

У меня был план. Странный, опасный, но нужный до боли в груди. Мой путь к спасению должен начаться именно здесь, в Анапе, хотя я не знаю почему. Потребовались месяцы, чтобы решиться найти адрес чудовища, чтобы нанять детектива, пересмотреть десятки фотографий. Чтобы не трястись по ночам, думая, что ему доложат о моем поиске, что он найдет меня и убьет.

Я приехала в Анапу в поисках катарсиса. Полного очищения, забвения, глубокого выдоха. Новой жизни, которая начнется в тот момент, когда я смогу посмотреть чудовищу в глаза.

Я нашла его дом, поселилась рядом. Подошла к катарсису так близко, что, казалось, держу мой страх в голых руках.

И вот оказалось, что в этом доме живут чужие люди.

Внутри меня что-то сдулось. Шарик надежды, который нес меня к новому началу, лопнул с жалким хлопком. Опустив голову, я провела пальцем по белому гляncу раковины, потерянно наблюдая за водными узорами.

– Ты чего? – Дима дернул меня за футболку. – Тебе плохо, что ли?

Как объяснить ребенку, что последние восемь лет я была безвольной, дрожащей жертвой, и вот наконец нашла силы сделать шаг. Странный, необъяснимый шаг, но почему-то он мне очень нужен.

А оказалось, что я шагнула в пустоту.

– Все в порядке, я немного перегрелась на солнце.

Дима сунул мне под нос стакан с лимонадом, и я послушно сделала глоток.

– У кого они снимают этот дом? – Мой голос прозвучал глухо и потерянно. Детектив подтвердил адрес чудовища, прислал подтверждение прописки и клялся, что видел его в доме.

Дима потянулся и выглянул в окно, пытаясь разглядеть, что именно так впечатлило меня в соседнем доме.

– Дим, скажи, у кого они снимают этот дом?

Но он не успел ответить.

– У меня, – раздалось за моей спиной.

Дима подпрыгнул, толкнув меня под локоть, и стакан упал в раковину. Разбился на десяток изогнутых осколков, в каждом – маленькое лимонадное озеро, в котором отражаются мои расширившиеся глаза.

Поворачиваться не нужно, я и так знаю, кто стоит за моей спиной. Чудовище. Голос, навсегда врезавшийся в память, ползет по спине, пересчитывая позвонки.

– Максик! – завопил Дима, повисая на шее мужчины. По крайней мере, так я представила их встречу, прислушиваясь к шуму за спиной. Сама я по-прежнему смотрелась в лимонадные озера.

– Насколько я понимаю, вы Лара.

Мне придется обернуться. Сейчас. Быстро. Нельзя себя выдать. Нужно что-то ответить, хотя бы поздороваться.

– Лара перегрелась на пляже, ей нехорошо. Она туристка.

Спасибо, Дима, помог.

Опускаю дрожащую руку в раковину и собираю осколки. Кровь рисует цветок на белой эмали, но я не чувствую боли, не вижу пореза.

Я должна обернуться и посмотреть чудовищу в глаза, ведь именно для этого я и приехала. Это был запланированный катарсис.

Но легче сказать, чем сделать.

Сильные пальцы смыкаются на моем запястье, усугубляя шок. Я не планировала прикасаться к чудовищу. Телесный контакт – это слишком.

– Вы всегда убираете битое стекло голыми руками?

Он поднимает мою руку и осматривает окровавленные пальцы.

Плечо, бедро и рука. Три горящих участка кожи, где наши тела соприкасаются. Мысль о том, что мы с чудовищем так близко, невыносима. Моя кожа зудит, отторгает его близость. Я перестала дышать в тот момент, когда он взял меня за руку, и перед глазами уже плывут черные точки.

– Дыши, Лара! – смеется Дима, прыгая вокруг нас. – Только не говори, что боишься крови. Тоже мне, медсестра!

– Не-ет, я не боюсь крови, – произносит кто-то, повелевающий моим телом. Не знаю кто, но это не я.

Чудовище прижимается ближе, тянется, чтобы включить холодную воду.

– Дим, где у вас аптечка? – спрашивает у самого уха.

«...– Ты что, малахольная? – кричит чудовище и тащит меня за волосы...»

Голос из прошлого вонзается в слух, я вздрагиваю всем телом, и тогда чудовище отступает назад, все еще удерживая мою руку.

– Шутишь, что ли! – смеется Дима. – У нас с бабулей не аптечка, а целая аптека!

Он хлопает дверцей, шуршит и приносит комок ваты и два пластыря.

Прикосновение чудовища жжет кожу. Я пытаюсь выдернуть руку, выворачиваю запястье – и тогда мужчина наклоняется вперед, удивленно заглядывая мне в лицо.

Я почти не вижу его, все еще смотрю внутрь себя, в прошлое.

...Он вытолкнул меня из окна. Мне больно, я лежу на земле, а чудовище лезет следом и что-то кричит. Оглушенная взрывом, я плохо слышу. Чудовище размахивает руками, с кем-то борется, а я давлюсь криком. Заставляю себя повернуться и поползти. Иначе он настигнет меня, похитит, и будет в сто крат хуже. Поэтому я ползу. Из последних сил. Кто-то тянет чудовище назад, в комнату, и я позволяю себе выдохнуть. Вспоминаю, с какой стороны калитка, поворачиваю. Что это за здание? Склад с жилыми комнатами? Старое общежитие?

Слух возвращается со щелчком, и я слышу смех в окне, за которым исчез мой мучитель.

– Максим Островский! Знал же я, что рано или поздно ты засветишься!

Я повторяю это имя, пока ползу вдоль окон, в каждом видя его отражение. Чудовище – зло, Олави – зло, я боюсь их всех...

Это не сон, а видение посреди дня. Слепящий кошмар.

Я заставляю себя вынырнуть из прошлого и встречаюсь взглядом с чудовищем. Он наклонился над раковиной и гипнотизирует меня темным внимательным взглядом. Сжимает запястье все сильнее, и мне становится больно.

Рядом толкается Димка.

– Я вижу порез! Дай заклею!

Мальчик тянется за моей рукой, но я придавлена к раковине напряженным мужским телом.

– Ты чего? – недоумевает Дима. Снова тянется к моей руке, хватая за мизинец и лепит пластырь на мокрую кожу. – Сделано!

Запястье ноет от захвата мужских пальцев. У Максима Островского тяжелая рука, мне ли об этом не знать!

– Спасибо.

– Тебе лучше? – спрашивает Дима, заглядывая мне в лицо, но я слишком занята. Мои глаза пойманы, зацеплены темным мужским взглядом. Неприязненным и подозрительным. Максим Островский – хищник, и он унюхал страх своей бывшей жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.